

Проект
СЕРГЕЯ ЛУКЬЯНЕНКО

Дозоры

Карина Шаинян

ЦВЕТНОЙ ДОЗОР

Дозоры

Карина Шаинян

Цветной Дозор

«АСТ»

2016

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Шаинян К.

Цветной Дозор / К. Шаинян — «АСТ», 2016 — (Дозоры)

ISBN 978-5-17-088441-4

Мир Иных сходит с ума, и спираль событий все туже закручивается вокруг скромной художницы из Новосибирска, путешествующей по Азии с рюкзаком за плечами. Она не желает принимать магический дар и мир, разделенный на Свет и Тьму. Кто же она – хладнокровная преступница? Слепое орудие Судьбы? Пешка в интригах Великих? Или Светлая волшебница, наделенная собственной волей? Чтобы сохранить жизнь и свободу, ей придется сразиться с теми, кто намного сильнее, и решить задачу, с которой не смогли справиться самые умные и опытные маги.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-088441-4

© Шаинян К., 2016
© АСТ, 2016

Содержание

Часть первая	6
Пролог	6
Глава 1	10
Глава 2	18
Глава 3	27
Глава 4	34
Глава 5	42
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Карина Сергеевна Шаинян

Цветной Дозор

© С.В. Лукьяненко, 2013

© К. Шаинян, 2015

© ООО «Издательство АСТ», 2016

Любое использование материала данной книги, полностью или частично,
без разрешения правообладателя запрещается.

Часть первая

Игра с тюремщиком

Пролог

Кто-то снова сверлил взглядом затылок, прячась в веселой пьяной толпе. От грохота музыки, несущейся из баров, и пульсирующих в темноте огней гудела голова, по спине стекали струйки пота. Тошнотворно чадили жаровни. Удобные спортивные сандалии, идеально приспособленные для долгой ходьбы, давно превратились в орудие пытки.

Иван Алексеевич едва соображал от жары и усталости: главная туристическая улица Бангкока оказалась не по зубам пожилому преподавателю из Москвы. Только ослиное упрямство не позволяло ему сдаться и откликнуться на призывные крики тук-тукеров. Мозг отказывался работать: учитель не мог даже понять, в какую сторону идет. Похоже, автор путевого, советовавший прогуляться вечером по Каосан-роуд, либо был полным идиотом, либо ненавидел туристов и изощренно мстил им за что-то.

Под ухом отчаянно зазвенел бубенчик; больно толкнуло в поясницу, локоть въехал в горячее и влажное. Чертыхнувшись, Иван Алексеевич шарахнулся от тележки с жареной лапшой, брезгливо сбросил с руки несколько налипших вермишелин. Машинально схватился за карман – на месте ли кошелек, – потер затылок: давление чужого недоброго взгляда не ослабевало, пробиваясь даже в затуманенное, перегруженное сознание. Из толпы выдвинулось грязноватое лицо: то ли совсем юная девушка, то ли почти старуха, то ли азиатка, то ли смуглая европейка... Волосы сбиты в объемистый колтун, рваная футболка, блаженная улыбка сумасшедшей. Иван Алексеевич испуганно моргнул, оглянулся – женщина уходила прочь, легко раздвигая толпу и глядя в ночное небо, едва видимое за заревом огней.

Самое подходящее место, чтобы сходить с ума, решил Иван Алексеевич. Странно, что он сам еще вменяем... хотя параноя уже появилась: иначе с чего бы чудилась слезка? Кому нужен такой человек, как он? Впрочем, он не совсем человек... Спohватившись, Иван Алексеевич напрягся, пытаясь рассмотреть ауру уходящей женщины. Перед глазами заплескали темные точки, басовито загудело в ушах, и он, плюнув, махнул рукой: нашел время. Надо выбираться из этого туристического ада. Вернуться в отель, к Олюшке, к кондиционеру и прохладным простыням, на которых так приятно будет вытянуться после душа...

Такси сюда не поедет, но не ехать же через пол-Бангкока на тук-туке. Иван Алексеевич снова почесал затылок: до чего же мерзкое ощущение. Слегка похоже на легкое давление, которое он изредка чувствовал на улице, когда кто-то сканировал его ауру: Иной, Светлый, едва тянет на седьмой уровень, ни в каком Дозоре, конечно, не состоит. Но в отличие от мимолетного касания прохожего это ощущение никак не проходило: Иван Алексеевич стал объектом чьего-то пристального внимания. Это было крайне странно. Никакого интереса для сородичей скромный учитель математики не представлял, и это его полностью устраивало.

Иван Алексеевич был доволен своей жизнью и точно знал, что на своем месте, практически не пользуясь магическими способностями, приносит людям намного больше пользы, чем в качестве недовольшебника. Он так и не привык к образу мысли Иных, предпочитая обходиться здравым смыслом и знанием людей, не подводившим его ни до поздней инициации, ни после. Большую часть времени, прожитой в шкуре мага, его не покидало ощущение игры. Каждый раз, сталкиваясь с более опытными сородичами, он хотел воскликнуть: «Вы что, серьезно?!» В мире хватало и добра, и зла без всякого вмешательства волшебников, к которым невероятным

образом принадлежал и он сам. Иван Алексеевич знал об этом больше многих: работа в лицее давала достаточно пищи для размышлений.

Впрочем, кое-чему его научили, и он подавил в зародыше желание проклясть тот момент, когда твердо решил быть добросовестным туристом. Умница Олюшка сдалась ранним вечером и осталась отдыхать в отеле. Она умела не врать себе и меняла грандиозные планы сразу, как только понимала, что они невыполнимы. Но Иван Алексеевич всегда был упрямым человеком. В списке достопримечательностей значилась Каосан-роуд – значит, он должен туда попасть. «Из антропологического интереса», как говорила его коллега-биолог. Отдохнуть можно и завтра: всего в часе лета их ждет маленькое бунгало на пляже. И пусть ученики думают, что их преподаватель только и способен, что сидеть со старушкой женой у телевизора, – они с Олюшкой еще помнят, как развлечь себя на тропическом острове. При мысли о жене Иван Алексеевич улыбнулся. Она с таким азартом собиралась в долгожданный отпуск, так тщательно выбирала яркие парео и легкие брюки для прогулок. И вынула из шкатулки коралловый браслет, который не надевала уже лет десять. Иван Алексеевич купил его на ялтинской набережной, когда они оба еще были студентами...

Да ради одной Олюшки стоило оставаться человеком. Иван Алексеевич и на инициацию-то согласился, чтобы порадовать бывшего ученика, обнаружившего у своего преподавателя слабые способности Иного. Впрочем, роли поменялись ненадолго: вскоре парень погиб, странно и страшно. Иван Алексеевич подозревал, что виной тому были магические способности и подготовка к новой работе, которой бедняга так гордился. Учился он там вовсе не математике... Возможно, для него это ощущение слежки успело стать привычным, и бедный мальчик, сгинувший в борьбе со злом, знал бы, что с ним делать.

Выйти к улице с нормальным движением, не отданной на растерзание туристам, все не получалось. Иван Алексеевич едва не споткнулся о девушку, сидящую прямо на мостовой. Перед ней на куске холстины были разложены сережки, и учитель приостановился: раз уж застрял здесь, стоит присмотреть приятную мелочь для жены. Олюшка и так расстроится из-за того, что он не привезет ни единой фотографии. Но доставать камеру сил не было. Сил не было ни на что. Уже давно Иван Алексеевич не чувствовал себя таким слабым и разбитым. Ничего не скажешь, хорошо начинается отпуск...

* * *

Как добросовестные туристы, они с Олюшкой не стали брать в аэропорту такси, а сразу отправились на станцию скайтрэйна: прокатиться по эстакадам, проложенным высоко над улицами Бангкока, было первым пунктом их программы. Но поезд ушел из-под носа, оставив их дожидаться следующего на футуристичного вида скамье посреди опустевшей станции. Олюшка, конечно, задержки снести не могла, тут же вытащила взятую на выходе из аэропорта карту. Они обговаривали маршрут много раз, тщательно изучили путеводитель, но ей не терпелось уточнить детали. С большей частью достопримечательностей все было просто, и только Каосан никак не вписывалась в маршрут: не на автобусе же ехать... Тратиться на такси, чтобы стоять в кошмарных бангкокских пробках, не хотелось, а других способов добраться до этой улочки ни Иван Алексеевич, ни Олюшка не видели.

Станция постепенно заполнялась новой порцией пассажиров. Прошагал мимо высокий парень со спортивной сумкой через плечо. Иван Алексеевич припомнил, что они летели одним рейсом. На соседней скамье расположились два тайца в безупречных костюмах. Прошли, щебеча, несколько стюардесс с чемоданчиками на колесах...

Иван Алексеевич с Олюшкой обстоятельно спорили над картой, когда в разговор вмешалась светловолосая девушка с обгорелым носом и тощими руками, увешанными фенечками. Под ногами у нее стоял небольшой рюкзак, до того пыльный, что изначальные цвета рассмот-

реть уже было невозможно. Девчонка оказалась русской. Говорила она слишком бурно, с нехорошим подъемом и истерическим блеском в глазах, и поначалу Иван Алексеевич слушал просто из вежливости, чтобы не огорчать и без того чем-то растревоженную девочку. Однако вскоре он заинтересовался: оказалось, способ избежать пробок все-таки был. Лодки-автобусы, курсирующие по каналам, в путеводителе не упоминались, но девчонка говорила уверенно, да и выглядела как опытная путешественница. «Заодно посмотрите на Бангкок изнутри», – добавила она под конец.

* * *

Лучше бы девочка промолчала, тоскливо подумал Иван Алексеевич, – тогда бы он наверняка поддался лени и остался с женой. Не было бы ни чудовищной усталости, ни дурного предчувствия надвигающейся беды. Но возможность прокатиться по каналу его заворожала. Правда, посмотреть на Бангкок изнутри не вышло: как только лодка отчалила, кондуктор поднял пластиковые шторы вдоль бортов. Они полностью загородили обзор, но не защитили от брызг грязной воды. Однако в остальном девушка оказалась права, и вскоре Иван Алексеевич уже выбрался на Каосан – «очень шумно и очень вульгарно, но вы должны это увидеть».

Что ж, увидел, хватит. Его вдруг охватило паническое желание бежать – прочь отсюда, от грохота, от толпы, от лиц, похожих в свете мертвенно-яркого электричества на злобно оскаленные маски. От раскаленного мангала пахло жареной рыбой; Иван Алексеевич остановился, давя спазмы в желудке, и парень в ярко-розовой футболке тут же схватил его за плечо. «Заходите, попробуйте наши коктейли, очень крепкие, очень дешевые». Иван Алексеевич испуганно застонал и шарахнулся, выдираясь, толкнул бирманку с лотком, набитым сувенирами. Бисерные браслеты и деревянные лягушки разлетелись по мостовой. Пробормотав извинения, Иван Алексеевич почти бегом бросился прочь, и ему не нужна была магия, чтобы понять: вслед несутся проклятия.

Вскоре стало ясно, что он окончательно заблудился. Это была уже не Каосан, а одна из соседних улочек, поглощенных туристическим спрутом. Иван Алексеевич стоял посреди толпы, сжимая в потной ладони пакетик с коралловыми сережками – как раз под браслет Олюшке. Он не помнил, когда и где купил их. Он был мокрый от пота, сердце неровно колотилось в груди. Давление в затылке так и не прошло и даже усилилось. Ивана Алексеевича охватило ощущение зла, скрытого за спиной, – не черноты, исходящей от Темных Иных, а ослепительного, сияющего зла, от которого, как от холода, съеживалась кожа на спине и вставали дыбом мельчайшие волоски. Это уже не лезло ни в какие ворота, и Иван Алексеевич велел себе не валять дурака. Вспомни, когда ты почувствовал этот взгляд, сказал он себе: днем, после того как отмахал с Олюшкой несколько километров по Бангкоку и подробно осмотрел два храма. И это после перелета, не привыкнув толком к разнице во времени. Сам себя довел до безобразной паники... Жара и усталость – вот причина дурацких ощущений. Жара и усталость, а не внезапный интерес со стороны Иных.

Оглядевшись, Иван Алексеевич неуверенно свернул в узкий безлюдный переулок – судя по указателю, он должен был вывести на Каосан. Стоило пройти несколько шагов, и его охватили блаженные тишина и прохлада. В голове прояснилось, адреналиновая волна наконец схлынула. Только теперь Иван Алексеевич понял, насколько устал. Он едва волок ноги; шарканье сандалий эхом отражалось от гладких стен. Впереди широкие окна кофейни заливали золотистым светом брусчатку; за ними виднелись небольшие столики, плетеные кресла, грифельная доска с меню над стойкой. Милое местечко – и почему-то совершенно пустое. За прилавком чернела голова бариста; похоже, тот спал в ожидании посетителей. Едва заметный ветерок принес запах свежих булочек и корицы. Чем ближе подходил Иван Алексеевич к кафе, тем прохладнее становилось; похоже, переулок был крытый, и в нем работали мощные кон-

диционеры. Он поднял голову, но увидел лишь мутновато светящуюся темноту – то ли полупрозрачную крышу, то ли вечно скрытое тучами и смогом небо Бангкока. Взглянул на часы. Выпить кофе в уютном и прохладном помещении было очень соблазнительно. Он так устал. Присесть бы, вытянуть гудящие ноги. Может, даже незаметно снять сандалии и прижать горящие ступни к прохладному, почти холодному плиточному полу. Это было бы хорошо... но Олюшка, наверное, уже заждалась.

Переулок уходил влево, и оттуда доносилось журчание воды. Иван Алексеевич еще раз взглянул на часы. Времени на кофе не было, и он, вздохнув, побрел дальше.

Стену, преградившую путь, сплошь покрывала курчавая лиана с мелкими листочками, изумрудно-зеленая в лучах скрытой подсветки. Сверху стекали тонкие струйки воды, образуя тихий водопадик. Слева от стены виднелся проход, и Иван Алексеевич двинулся туда, с наслаждением вдыхая влажный и прохладный, пахнущий зеленью воздух. Не удержавшись, протянул руку, подставил ладонь под восхитительно холодную струйку, огладил упругие, плотные листочки лианы. Оазис в туристическом аду. Невозможно поверить, что всего в двадцати метрах отсюда орут динамики, а улицы запружены радостной, но бестолково-взвинченной толпой. Здесь было так тихо, что давление, к которому Иван Алексеевич почти привык, которое так ловко себе объяснил, вдруг стало невыносимо тревожным. Он оглянулся, поддавшись нервам, и, вспомнив уроки, взглянул сквозь Сумрак. Конечно, пусто. А странно все-таки, что здесь никого нет: вряд ли его одного выматывает толпа...

– Здесь никогда никого не бывает, – ласково прошелестело за спиной. – Удачное место, чтобы отдохнуть. Прилечь...

Иван Алексеевич громко втянул в себя воздух от неожиданности, дернулся – к свету, к людям, в толпу, прочь от этого пугающе блаженного места, от этого ужасающе доброго голоса. Остатки здравого смысла тоненько вопили, что человечья жизнь не удалась, что он зря согласился на инициацию, что он открылся силам, которых не понимает и с которыми не может справиться... Иван Алексеевич хотел бежать, но усталое, измученное тело не соглашалось с ним. Тело считало, что призрачный голос прав, тело хотело лежать на прохладном, влажном от брызг цемента.

Вода в фонтане была сладкой на вкус и пахла мокрой травой. Иван Алексеевич улыбнулся и с довольным вздохом опустил руку, подложил руку под щеку. Он только чуть-чуть отдохнет и пойдет дальше. Только чуть-чуть...

Журчание воды заполняло все вокруг, становилось громче – и в то же время мягче, нежнее. Так тихо и прохладно. Так хорошо. Что-то кольнуло руку; Иван Алексеевич разжал кулак и увидел пакетик с сережками. Сквозь захватанный мутный пластик кораллы походили на капли крови, упавшие в пасмурное море. Олюшка ждет, подумал Иван Алексеевич, но впервые при мысли о жене его сердцу не стало теплее. Потерпит, подумал он. Он только немного отдохнет и пойдет искать такси. Пусть подождет. Она не станет беспокоиться – ведь Иван Алексеевич совсем не волновался. Его сердце билось все спокойнее, все медленнее.

Пока не остановилось совсем.

Глава 1

Like a Rolling Stone

Отражение Тави плавало в зеркале, как в горячем аквариуме. По стеклу прошла тень, и за спиной беззвучно возник продавец с охапкой ярких тряпок в руках.

– Вам идет.

Тави прижала ярко-голубую футболку к груди. Впервые за долгое время перед ней было зеркало в полный рост, а не пристроенный над умывальником мутный огрызок, в котором едва помещалось ее лицо. Нос облез и покрылся веснушками. Выгоревшие волосы похожи на солому: на второй день работы она собрала их в конский хвост и отрезала одолженными у Сильвии портновскими ножницами. Медный браслет на костлявой лодыжке. Облупленный ярко-розовый лак на ногтях, на ключице – незамеченный мазок краски. Пестрые шаровары-афгани, нелепые, но невероятно удобные, задубели от акрила. И майка вся в пятнах. Акрил – такая штука: отстирать его от ткани можно только в том случае, если ты нарисовала что-нибудь стоящее. То, что жалко было бы потерять. Тогда его возьмет любая стиральная машинка. А вот если испачкалась случайно...

Тави вздохнула и отложила футболку в сторону. Продавец смотрел на нее с сочувствием – хрупкий большеглазый индеец ростом немногим выше девушки. Он был хитрец и мелкий жулик, сидящий в своем полутемном магазинчике, забитом сшитыми на коленке тряпками, как гладкий, тонконогий паучок в ожидании мелкой добычи. Он привык надувать туристов и впаривать им копеечную чепуху подороже, но ему было жаль эту белую девушку, слишком тощую, чтобы быть красивой. Он таких навидался: юных дураков и дурочек с пыльными рюкзаками, приехавших за покоем и мудростью, не имеющих в кармане ни гроша и ужинающих чашкой риса. Он их жалел – чуть-чуть, самую малость. Не настолько, чтобы предложить помощь.

Но Тави могла его *подтолкнуть*. Сделать так, чтобы сочувствие усилилось и превратилось в действие. Она получит новую футболку, немножко упростит себе жизнь. А продавец потеряет – сколько? Центов пятьдесят? Это несерьезно... Кроме того, он будет уверен, что улучшил свою карму. А Тави, наверное, все забудет – как всегда, когда она подправляла реальность. И только потом, обнаружив у себя новенькую футболку, сможет догадаться о том, что сделала. Но все равно – нечестно. Нечестно заставлять людей помогать. Несмотря на провалы в памяти, у Тави не было возможности юлить и обманывать себя. На любое совершенное ею зло мир откликнулся, и откликнулся немедленно.

Смешиваешь белое с черным, придумываешь оправдание для нечестного поступка, *подталкиваешь* кого-нибудь – и получается серое. Мир выцветает. Становится как вода под пасмурным небом – тусклым, вязким, беззвучным. Нельзя мешать черное и белое. Нельзя оправдывать саму себя: расплата следует немедленно. Никакие блага не стоят красок...

Тави мрачно отвернулась от зеркала, взглянула в дверной проем. Пыльная улица была пуста: полдень, слишком жарко. Рыжая корова с влажными глазами оперной примадонны с достоинством чесала бок о колючий ствол пальмы, не обращая внимания на падающий сверху мелкий растительный мусор. И почему островок, где бродячих коров больше, чем бездомных собак, назвали Слоновым? Слонов здесь Тави не встречала...

Солнце проглянуло на секунду, запрыгало по туго обтянутым шкурой коровьим ребрам, и небо снова затянула белесая пелена. Тави криво улыбнулась продавцу и отложила футболку. Одна не уляпанная краской майка еще осталась; ну и хватит с нее, вполне достаточно. Времена, когда Тави и пары недель не могла прожить без новой вещицы, остались в прошлом.

Корова вздохнула и вразвалку побрела по улице, оставляя за собой зеленые лепешки. Тави поморщилась и смахнула со лба прилипшую прядь.

Все не так уж плохо, думала она, бодро шагая по узкому проулку, ведущему к пляжу. Пусть она похожа на пьяного маляра – зато ей есть где жить, а главное – есть чем занять руки и голову. Работа, о какой она даже не смела мечтать. Случись такое год назад, Тави была бы абсолютно счастлива. Сейчас же... «Не вспоминать!» – мысленно прикрикнула она на себя и ускорила шаг. Серый песок. Серое море и серая пена, вскипающая на стальных гребнях волн. Серое, пасмурное небо, набухающее мелким дождем... Стоит впустить в себя воспоминания – и захочется упасть и завывать, сжимаясь в комок, вцепиться ногтями в лицо. От ужаса и горя. От ненависти, от которой некуда деться и с которой невозможно жить.

А перестать жить было невозможно: за этой гранью Тави поджидало серое. Оно тянулось холодными щупальцами, трогало за руки, но пока Тави жила – не могло поглотить ее. Она сбежала от серого на Шри-Ланку, но уже понимала, что, несмотря на нечеловеческое везение, спастись не сумела. Что она станет делать, когда раскрасит последнюю хижину на берегу океана?

«Прекрати, – зарычала на себя Тави. – Перестань немедленно. Подумай лучше, какая это удивительная, невероятная удача – знакомство с Сильвией. Может быть, это шанс – не исправить, нет, исправить твой поступок невозможно, – но как-то уравновесить то, что натворила...»

Тави сбросила вьетнамки и побежала, оставляя глубокие следы на потемневшем от воды песке. Впереди уже маячил «Сансамай» – полтора десятка дощатых хижин и большая веранда, крытая пальмовыми листьями. У второго с краю бунгало Тави поджидали ведра с красками. Она схватит кисть, опустит в банку с охрой – яркой, радостной охрой – и перестанет думать. Какая все-таки удача, что она познакомилась с Сильвией. А мама еще говорила, что пить много кофе – вредно...

* * *

По какому-то недоразумению прибрежный поселок, в котором обосновалась Тави, был разбит на две части. Асфальтовая дорога, протиснувшись между лавочками и мелкими гостиницами, вдруг превращалась в пустынную трассу – чтобы через сотню метров опять стать респектабельной улицей. С одной стороны тянулся пустырь, поросший лиловым выюнком и колючкой, среди которой одиноко торчали два чахлах банановых деревца. С другой – белел глухой бетонный забор единственного на Слоновом острове приличного отеля.

Днем воздух над дорогой звенел от зноя и воплей цикад; но солнце катилось к закату, асфальт синел, окутывался сизым паром, а потом подступала бархатная тьма, и в ней зажигались, дыша жаром, багровые глаза мангалов. Жарили кукурузу и креветок, варили огненный, жгучий суп из чечевицы. Рядом раскладывали звонкие связки стеклянных браслетов и кольца с поддельной бирюзой. И, наконец, гроыхая и фыркающая выхлопной трубой, подъезжал карий фургончик с надписью «Чандра кафе» на борту.

Из фургончика выскакивали два ловких парня, выдвигали боковую стенку, расставляли по обочине столики размером чуть больше табуретки и совсем уж миниатюрные стульчики. На них водружали банки с корицей и влажным, темным тростниковым сахаром. Мягко разгорались керосиновые лампы; в недрах фургончика что-то фыркало и плевалось паром, и вскоре, глуша запахи перца и чеснока, над дорогой расползлся упоительный аромат кофе.

Тави шла на запах, как жертва гипноза. Плечи оттягивал рюкзак с единственной ее настоящей ценной вещью – мощным ноутбуком. Помахав парням рукой, она усаживалась за один и тот же столик, чуть в сторонке, почти прижавшись спиной к забору. Лодыжки царапала сухая трава, а любое движение ноги могло спугнуть сонного кузнечика или мелкую ночную ящерицу. Пока ноутбук загружался, поскрипывая винчестером, Тави бездумно смотрела на возню в фургоне.

В «Чандра кафе» к делу подходили основательно. Один из парней от души сыпал зерна в ручную кофемолку, неторопливо вертел ручку. Свежемолотый кофе ссыпали в медную турку –

а потом начиналось действие над подрагивающей синей хризантемой огня. Здесь никто никуда не торопился. Тави запускала графический редактор – ноутбук негромко взывал, шуршание диска становилось громче. Она погружалась в работу, а потом приносили кофе, так тихо, что Тави сначала замечала усилившийся аромат и только потом – толстенькую керамическую чашку, возникшую на столике как по волшебству.

Она мерно двигала «мышкой», и на экране проступали очертания новой иллюстрации. Главное было – не думать, когда будет следующий заказ; от этих мыслей Тави начинала душить паника. Фрилансерских заработков вполне хватало студентке, живущей под теплым родительским крылом. Однако беглянке, рванувшей на Шри-Ланку с полупустым рюкзаком и без обратного билета, приходилось туго. Надо бы перестать ходить к «Чандре»; надо бы переехать в гостиницу подальше от моря и подешевле, но Тави все тянула в надежде, что как-нибудь обойдется, придумывала новые планы, как выкрутиться и сэкономить. И только одно никогда не приходило ей в голову: вернуться домой. От дома отделяла стена, которую Тави даже не пыталась одолеть.

Она, хмурясь, встряхивала челкой и снова погружалась в работу. Иногда рядом возникала тонкая подвижная тень. «Еще кофе?» – слышала Тави и кивала, благодарно улыбаясь и не отрывая глаз от монитора. В какой-то момент тень переставала появляться; Тави, в третий или четвертый раз попытавшись отхлебнуть из пустой чашки, поднимала глаза и видела, что горячие глаза жаровен погасли, столики вокруг пусты, и поток туристов, желающих недорого поужинать, а заодно и прикупить сувениров, иссяк. Это означало, что наступила ночь. Пора засунуть ноутбук в рюкзак и вдоль отливной полосы добрести до хижины, чтобы там, на веранде, морщась от дыма антимооситной спирали и почесывая искусанные лодыжки, поработать еще часа два-три – пока кофе не выветрится.

Так было каждый вечер, пока однажды в отлаженной, почти ритуальной схеме не возник сбой. Тави в очередной раз очнулась, не глядя пошарила по столику в поисках горячей чашки со свежей порцией кофе, в которую надо было насыпать сахар и корицу, – что еще могло ее отвлечь? Чашки не нашлось; все было неправильно, непривычно, все было плохо. В знакомые звуки вплелось что-то новое. Милые и обыденные запахи кофе, травы и нагретого асфальта изменились. Тави окончательно пришла в себя и поняла, что слышит чье-то сухое дыхание, чует слабый запах шампуня и дезодоранта.

Кто-то, черт возьми, стоял у нее за плечом и бесцеремонно пялился в экран. От бешенства потемнело в глазах. Тави шумно втянула носом воздух и поправила пару штрихов, надеясь, что у наглого зеваки проснется совесть, – но ничего не изменилось. Непрошенный зритель не только не исчез, но и наклонился поближе, так что Тави почувствовала ветерок чужого дыхания на своей шее.

– Я бы оставила как есть. – Голос был как у гитары с треснувшей декой.

Не выдержав, Тави яростно обернулась, готовая разразиться желчной тирадой, и осеклась. Над ней нависала пожилая женщина, смуглая, как орех. Полупрозрачный венчик седых кудрей, ящеричьи складки на тощей шее кирпичного цвета, тяжелое ожерелье из тех, что продаются в туристических лавочках. Запах Тави тут же иссяк: рычать на старую даму было неловко. Однако и раздражение никуда не делось. Тави выразительно задрала брови и пробурчала:

– Могу я чем-то помочь?

Дама приветливо улыбнулась.

– А красками ты так можешь? – спросила она.

– Могу, – помедлив, настороженно ответила Тави.

– Можно я... – проговорила дама и, не дожидаясь ответа, присела за столик. Ее движения были такими осторожными и угловатыми, что Тави вспомнила складную металлическую

линейку из папиного ящика с инструментами. Дама снова улыбнулась, показав безупречно белые зубы.

– Меня зовут Сильвия, – сказала она. – У меня небольшой гэстхаус чуть восточнее мыса, прямо на пляже. Пятнадцать бунгало и ресторанчик. И мне хотелось бы их украсить.

Тави широко раскрыла глаза, не веря своей удаче. Скрестила под столом пальцы.

– Вы имеете в виду картины?

– Картины – это скучно, – качнула головой дама. – Не любите кондиционеры? – внезапно спросила она.

– Да так... – растерялась Тави. – При чем здесь...

– В ста метрах отсюда есть прекрасное кафе с кондиционерами, нормальных размеров столами, хорошим освещением и неплохим кофе, ничуть не хуже, чем у милых братьев Чандра. Но вы предпочитаете работать здесь. Глаза у вас красные, а ноги и спина сильно затекли – я заметила, как вы все время меняете позу, чтобы устроиться поудобней. Значит, вам не нравятся кондиционеры. Или...

Тави мрачно усмехнулась.

– Или то, что кофе там в два раза дороже, да? – И, не дожидаясь реакции, сама же ответила: – Да. Но кондиционеры...

– А может, ты почему-то считаешь, что тебе должно быть плохо, – небрежно перебила Сильвия.

– ...кондиционеры я не люблю, – закончила Тави с нажимом.

– Ну и прекрасно, – обрадовалась Сильвия. – В моих бунгало их нет.

* * *

Тави ошарашенно посмотрела в спину уходящей Сильвии, перевела глаза на монитор, машинально отменила пару последних действий. Снова подняла глаза, высматривая пушистую шевелюру и белоснежную блузу старушки, пытаясь переварить тот факт, что только что согласилась расписать пятнадцать бунгало и открытое кафе за жилье на самом берегу моря и ежедневные завтраки. Вообще-то в ее ситуации – отличная сделка. Наверное, можно было потребовать больше, но Тави никогда не была сильна в переговорах. Случившееся – и без того чудо; путешествующим художницам не каждый день предлагают работу. Да какую! Тави тихо рассмеялась. Мечта любого ребенка: вволю рисовать на стенах с полного одобрения окружающих...

Тави чуть вздрогнула, заметив, что над ней стоит один из Чандра, выполняющий сегодня роль официанта. Он неодобрительно косился в сторону уходящей Сильвии.

– Чего она хотела?

– Чтобы я у нее поработала, – радостно ответила Тави. – Расписала бунгало. Здорово, правда?

Парень с сомнением покачал головой.

– Лучше не ходи к ней, – посоветовал он.

– С чего вдруг? – рассердилась Тави. Да что ж за день такой, сплошные советчики кругом!

– Так она ведьма, – небрежно ответил парень, – ты не знала? Все знают.

Тави выпучила глаза и неуверенно усмехнулась. Покачала головой: ведьма так ведьма. Тави была сейчас слишком счастлива, чтобы сомневаться в своем решении, слишком счастлива, чтобы спорить. Она так давно не чувствовала себя счастливой...

– Хочешь еще кофе?

Она кивнула и прикусила губу, пытаясь снова сосредоточиться на рисунке.

* * *

Взмокнув и запыхавшись, Тави перешла с бега на быстрый шаг, хватая ртом мокрый, слишком густой, пересоленный воздух. Пляж был малолюднен: до начала сезона оставался почти месяц, Слоновый остров еще не заплотнили серферы, и Тави знала в лицо почти всех, кто обитал между мысом и поселком. Она махнула рукой идущему навстречу рыжему парню – тот жил в «Слонах», второй из разрисованных ею хижин. Слоны ему страшно нравились – Тави не раз замечала, как Бобби веселится, едва наткнувшись взглядом на дурацких улыбочных зверей в разноцветных шкурах. Это было хорошо, это было ровно то, чего она добивалась, кладя мазок за мазком. Бобби просиял, увидев ее, махнул в ответ, и от его расплывшейся в улыбке обгорелой физиономии желание рисовать стало еще острее.

А вот с людьми, которые неторопливо брели следом за Бобби, что-то явно было не так. Тави бросила на них быстрый взгляд – незнакомцы, наверное, только что приехали, – отвернулась и замедлила шаги, слегка хмурясь и пытаясь сообразить, что так зацепило ее в этом мимолетном обмене взглядами. Какая-то неправильность. Пугающая напряженность, будто эти двое смотрели не на ее облупленный нос и перепачканную футболку, а намного глубже. И лица такие, будто отпускная расслабленность – всего лишь маска, под которой прячется нечто очень и очень серьезное. Не выдержав, Тави взглянула снова. Туристы как туристы: цветастые шорты, запотевшие бутылки пива в руках и неперменные для всех новичков красные, будто обваренные плечи. Первый, повыше и помоложе, в очках в тонкой оправе, пожалуй, даже симпатичный. Второй на его фоне почти незаметен – кряжистый мужичок с простецким, сереньким лицом...

К горлу подкатил ком. Серое снова было рядом, снова пытались добраться до Тави – скрытно, исподтишка. Оно прислало своих гонцов. Лицо у кряжистого было скорее багровое: такой предпочтет обуглиться под тропическим солнцем, чем намазаться защитным кремом. На губах высокого теплилась рассеянная улыбка интеллигента. Но в глазах туристов Тави чудился ледяной туман. Такие же глаза были у Андрея... о котором нельзя вспоминать, если не хочешь провалиться в этот тусклый холод навсегда.

Трусливо втянув голову в плечи, Тави снова побежала – на этот раз изо всех сил, оскальзываясь на мокром песке и нелепо размахивая руками.

* * *

После бега страшно хотелось пить, но остановиться хотя бы на секунду Тави боялась. Вырисовывать стену между собой и серым. Эти двое ей просто почудились; обычные отдыхающие, не успевшие расслабиться и прийти в себя после... откуда они там приехали. Цветы. Волны. Странные и глупые разноцветные звери в узорчатых шкурах. Спираль и круги. «Сан-самай» станет самой радостной гостиницей на острове – прибежищем беспечных бэкпекеров, путешествующих по всей Азии с пыльными рюкзаками на плечах. Сильвия в незапятнанной белой рубашке и бирюзовых бусах будет дремать в гамаке с книгой, оживляясь только с появлением новых туристов. Ведьма? Да ну вас, братья Чандра, вы, похоже, не видели, кто порой разгуливает по вашему острову... К черту их, как приехали, так и уедут. Две смешливые близняшки с нежными оленными глазами станут каждый день готовить благоухающий карри, а инструктор по серфингу – с шуточками убирать по утрам листья, нападавшие на пляж за ночь. И все они будут жить в окружении рисунков Тави. В стенах, расписанных волшебной защитой от серого.

Тави открутила крышку бутылки с водой левой рукой – правой она уже пыталась, не глядя, макнуть кисть в краску. Ей уже жгло, и пока она пила, глаза жадно шарили по нарисо-

ванным и еще только воображаемым линиям и пятнам. Доски покрывали старые, выгоревшие наслоения краски: похоже, Сильвия не впервые привечала незадачливых художников. Акрил шелушился, завиваясь мелкими чешуйками, под ними проступали совсем старые слои масла. Ничего не поделаешь – море. Никакая краска не держится дольше пары лет, любой рисунок облезает до неузнаваемости. Сначала Тави хотела загрунтовать доски, но потом передумала: в этих выцветших пятнах была необъяснимая прелесть, и она старалась обыгрывать их, оставляла просвечивать сквозь свежий слой и только совсем уж облезлые участки обдирала древним железным совком, за который приходилось конкурировать с ехидным уборщиком. Ей нравилось думать, что предыдущие художники поступали так же и она не первая в этой цепочке.

Жирная охряная капля упала с кисти на босую ступню. Не отрывая взгляда от стены, Тави размазала ее рукой, машинально обтерла ладонь о штаны. «I see a red door and I want it painted black»¹, – замычала она под нос и нанесла первый штрих.

– Тави, детка, сделай перерыв.

Она остановилась. Длинная синяя тень лежала на стене хижины, не давая рассмотреть нарисованное за день. По волнам прыгали медные закатные блики. Сильвия покачала головой, глядя на все еще отрешенное лицо девушки, и протянула бутылку кока-колы.

– Хватит на сегодня, – сказала она. – Умойся, поешь. Прогуляйся. Незачем так торопиться. Ты как будто себя наказываешь.

Тави упрямо мотнула головой, но все-таки отложила кисть. Присев на порог, прижала к горячей щеке запотевший от холода пластик. Из горлышка вырвался дымок, когда она отвернула пробку. Сильвия, откинувшись назад и слегка подняв брови, рассматривала свежую роспись. Тави вдруг поняла, что со времени знакомства у нее впервые появилась возможность поговорить с хозяйкой: даже необходимые для работы детали они толком не обсуждали. «Я тебе доверяю, детка, рисуй что хочешь, – бросила та на ходу, – мои ребята тебе все покажут». Не то чтобы у Сильвии не хватало времени – но вид у нее вечно был неприступный, и Тави не решалась надоедать ей с вопросами. Однако сейчас хозяйка явно была настроена поговорить, и Тави решилась.

– Сколько раз вам расписывали стены? – спросила она.

– Много, – рассеянно отозвалась Сильвия. – Видишь ли, у меня хобби – выручать художников в депрессии.

– У меня нет депрессии, – буркнула Тави, мгновенно ощетинившись. Она уже жалела, что затеяла разговор.

– Детка, я слышу, что ты все время напеваешь.

– Мне нравятся «Роллинги». И Боб Дилан, – добавила Тави на всякий случай. Раз уж начали цепляться к тому, что она мычит под нос... Мало ли какая песня привяжется – объясняй потом.

– Хорошая группа и песня отличная, но не стоит лукавить, – хмыкнула Сильвия. – Ты рисуешь цветок и поешь о том, как черен мир и черно твое сердце. О том, что хочешь раскрасить все черным... И делаешь вид, что это случайность? – Сильвия тихо рассмеялась. – А дверь-то красная. – Она кивнула на свежий психоделический орнамент всех оттенков алого. – Ты идешь за песней. Но только тогда, когда разрешаешь себе.

– Подсознание, – пожала плечами Тави.

– Да-да. Хорошее объяснение, универсальное. Только вот что: я дала тебе полную волю. Ты могла рисовать демонов, если бы захотела. Вернее – если бы позволила себе... Хотела-то наверняка. Кстати, многие так и делали.

– Слушайте, ну здесь же люди живут! – возмутилась Тави. – Они-то в чем виноваты, чтоб смотреть на моих демонов?!

¹ «Я вижу красную дверь и хочу выкрасить ее в черный» – Rolling Stones, «Painted Black».

– Ни в чем. Но обычно об этом никто не думает. Ты – светлая...

Тави обхватила руками колени и покачала головой. Ну да, ну да. «Ты – славная девочка, я тебя хорошо воспитала, и ничего плохого ты сделать не могла. Не знаю и знать не хочу, что ты учудила». Это мы проходили, подумала Тави. Ее охватила холодная злость.

– Знаете, Сильвия, я не такая, как вы думаете, – сердито сказала она. – На самом деле я очень плохой человек. Ужасный.

Сейчас начнется: «Не мели чепухи, на самом деле...» Сильвия склонила голову набок – тихо звякнуло ожерелье на морщинистой груди.

– И что же ты такого натворила? – спросила она спокойно.

Выставит к чертовой матери, подумала Тави с ледяным отчаянием, даже дорисовать не даст. А не выставит – сама уйду. Надо уезжать отсюда, все равно не помогло... В голове Тави все смешалось: и мамино снисходительное равнодушие, и спокойное сочувствие Сильвии, и унижительная жалость продавца футболок, и эти туристы с глазами, в которых билось серое. Нельзя оставаться на одном месте так долго, нельзя цепляться за людей, надо бежать, бежать... Тави набрала воздуха, как перед нырком в холодную воду, и проговорила:

– Я человека убила.

Сильвия не ответила, и Тави, чувствуя, как немеет лицо, добавила:

– Убила своего друга.

Сильвия все молчала, задрав брови, будто ожидая подробностей, и Тави захотелось ее ударить.

– Я завтра распишу последнее бунгало и уеду, – пробормотала она, пряча глаза. – Или не уеду, если вы скажете полиции.

– Какое дело полиции Шри-Ланки до убийства в... откуда ты там? Не важно. Закончи работу. Как считаешь нужным. Черный...

– Там не черный, – перебила Тави. – Серый.

– Ты художница, не мне тебе объяснять разницу между серым и черным, – пожала плечами Сильвия.

* * *

Зайдя в воду по колено, Тави смыла с рук пятна краски, поплескала в лицо. После разговора с Сильвией ее мелко трясло, как в ознобе. Надо уезжать. С острова – точно; лучше бы – вообще из страны, но ее жалких финансов не хватит на билеты. Придется выбраться на большую землю, а там сесть на поезд и выйти на любой станции. И надеяться, что там найдется хоть какая-нибудь гостиница, Интернет и кофе. И не будет странных туристов с цепкими, всезнающими взглядами. Надеяться, что невесть откуда взявшееся ощущение зверя, внезапно почувшего, что его обкладывают охотники, пройдет. Снова бежать... «How does it feel? – пропела она, засунув руки в карманы почти по локти и глядя в пустоту. – How does it feel to be on your own? No direction home... Like complete unknown... Like a rolling stone!»²

Тави не знала, как она себя чувствовала. Все еще напевая, она присела на песок, подобрала обкатанный волной камешек. Сейчас планировать бесполезно, сначала надо успокоиться. Прекратить панику, разобраться, что реально, а что – плод воображения. И так наломала дров, заговорив с Сильвией. На что она надеялась – что старушка донесет в полицию, и все решится само собой? Или хотя бы возненавидит Тави так, как она заслуживает, как ненавидит себя сама? Это, может, и произошло – только кому от этого легче?

² «Каково это – быть самой по себе, не знать, где твой дом, как незнакомец, как катящийся камень» – Bob Dylan, «Like A Rolling Stone».

Руки по-прежнему тряслись. Камешек выскользнул из пальцев, и взамен Тави подобрала обломок раковины, сосредоточилась на узоре, запоминая его, мысленно прикладывая к последнему нерасписанному бунгалю. Она рассматривала тонкие линии всех оттенков коричневого, от ярко-кирпичного до нежного, цвета кофе с молоком, стараясь не обращать внимания на навязчивый зуд в кармане. Если игнорировать что-то достаточно долго, оно пройдет само...

Не выдержав, Тави со вздохом отбросила ракушку и вытащила вибрирующий мобильник.

– Настя...

– Привет, мам, – ответила Тави, рассеянно следя глазами за далеким серфером, ловящим волну.

Глава 2

Новый кирпич в стену

Промозглые сумерки, мокрый Заельцовский парк, одуряющий запах дождя и палой листвы. Любимое Настино место; уже больше года она приходила сюда, чтобы встретиться с такими же сумасшедшими. Да, всего лишь игра, и мечи у них деревянные, а платья – из синтетики. Но так приятно побыть рядом с людьми, ненадолго вообразившими, что магия существует. Иногда Насте казалось, что магия *и правда* существует, но, конечно, такими мыслями она не делилась даже с ближайшими друзьями. Зато эльфийке Тави, в которую ничем не примечательная студентка Настя превращалась каждую пятницу, скрывать было нечего: она знала, что волшебство – не сказка, она сама была великой волшебницей, и ей не мешал ни скепсис однокурсников, ни мамина ирония. И велосипедисты, что пилились на девушек в эльфийских платьях и вооруженных мечами парней перед тем, как ухнуть по головоломной трассе в овраг, ее не смущали. Тави знала о магии все, и ей не надо было прятать свои знания. Поэтому Настя никогда не пропускала игр.

У Андрея были добрые грустные глаза, пряди светлых волос липли к мокрым щекам. Он совсем недавно приехал в Новосибирск, но уже стал в тусовке своим. В нем чувствовалась сила. Непонятно было, сколько ему лет, – вроде бы ровесник Насти, иногда он казался глубоким стариком. Настя не представляла, как получилось, что все разошлись, а они остались у оврага вдвоем. Его интерес был очевиден и радовал девушку, но она не ожидала, что все сложится так быстро и само собой. Плащ промок, и Настя жалела, что не сделала его непромокаемым: могли же эльфы пользоваться какой-нибудь водоотталкивающей пропиткой, почему бы и нет?

Быстро темнело. Налетел ветер, сердито затряс березу; в разрыве облаков проглянула луна, и мокрая глинистая тропинка, уводящая в овраг, превратилась на мгновение в призрачный поток. «В такой вечер хорошо бродить рука об руку по странным местам», – подумала Настя. Мысль была диковинная, будто чужая. Слишком романтическая. Настя так подумать не могла, поэтому на всякий случай превратилась в великолепную эльфийку Тави.

– Андриэль...

– Давай я побуду просто Андреем, хорошо? – улыбнулся парень и достал из котомки банальную сидушку, купленную в туристическом магазине. А потом еще одну. Следом появился термос. Порыв ветра стряхнул с нависшей над оврагом березы капли воды и желтые липкие листья.

– Хочешь кофе? – спросил Андрей и, не дожидаясь ответа, отвернул крышку.

– Я его не очень люблю, больше по чаю... Горячий?

Она глотнула ароматную жидкость, оставляющую горечь во рту, слегка поморщилась. Глядя на нее, Андрей улыбнулся одними губами. Неприятная, непонятная улыбка...

– Знаешь, магия и правда существует, – сказал он. Настя одним глотком допила кофе, отдала ему чашку и встала.

– Мне пора, – разочарованно пробормотала она, отводя глаза.

– Да подожди ты!

Он со смехом схватил ее за руку, но глаза остались серьезными. Как будто он решал страшно сложную и важную задачу. Как будто шел по минному полю...

– Тебе самой не надоели эти глупости? Ты же умная девушка, а машешь деревянным мечом вместо того, чтобы... Я могу тебе показать. Понимаешь, кроме нашего мира, существует еще и другой... иной.

Настю охватили жалость и презрение. Еще один заигравшийся – а казался таким славным. Ну почему нельзя просто поговорить, увидеть друг друга? Зачем эти дурацкие уловки, обман, заманивание? Неужели не понятно, что он и так ей нравится, иначе с чего бы она сидела

здесь, под дождем? Обязательно ж надо было схитрить... Сейчас скажет, что на самом деле эльф, разведет романтическую пургу, а потом попытается ткнуть мокрым ртом в ее губы, начнет хватать руками...

Настя отступила, сжимая кулаки, глаза опасно сузились в щелки, но Андрей и не попытался двинуться с места.

– На самом деле я должен, обязан тебе показать, – сказал он. – Ты – Иная, Настя. Тебе надо понять, надо научиться... Пстой!

Дождь из жемчужного превратился в серый, уплотнился, стал пугающе неторопливым. Настя видела такое во сне, видела и наяву – когда *подталкивала* кого-то или что-то... когда поступала плохо. Она знала, что будет дальше, и не хотела этого. Отвратительно повеяло нашатырем – это запах магии. Настоящей магии, которая приходит без спросу. Но мы же играем? Ведь волшебства не бывает! Конечно, мы играем, это всего лишь игра, светлая эльфийская дева... смотри. Лист березы потерял цвет, мучительно замедлил падение, и завеса дождя расплзлась на глазах, открывая нечто... то, что, возможно, было по плечу эльфийке Тави, но простая человеческая девушка Настя выдержать не могла. Серое напозало на нее, вбирало в себя, лишая тепла, красок, звуков. Она хотела бежать, вырваться, но Андрей не отпускал ее. Он был в сговоре с серым, и на его лице Настя видела отвратительное, отрешенное торжество: задача решена! Сделано! Добился!

Вне себя от ужаса и ярости она толкнула это серое – и оно, как цунами, обрушилось Андрею на голову, сминая, скручивая, растворяя в себе.

* * *

Раньше, читая об убийцах, которые всегда возвращаются на место преступления, Настя считала их идиотами. Неужели не ясно, что, если не хочешь попасться, приходить туда нельзя? Теперь Настя понимала: они хотели быть пойманными. Они на самом деле искали наказания.

Иногда Настя думала пойти в милицию и сказать: я убила человека. Но что она могла добавить? Настя часами представляла себе допрос и свои ответы. Нет, я не знаю его фамилии, где он жил и где работал. Он был светлым эльфом Андриэлем, и этого в тусовке хватало. Да, глупо, но так уж вышло. Нет, я не помню как. Сначала я очень испугалась и разозлилась, а потом он стал холодный и неподвижный. Изломанный. Нет, я не знаю, куда делось тело. Вернее, знаю, но вы мне не поверите. Он остался в сером... И я не знаю, как это получилось, но точно знаю, что убила его. Сделайте что-нибудь со мной за это, иначе я сама...

Настя пыталась поговорить с мамой – но та, напуганная выражением ее глаз, отказывалась слушать и упрямо твердила, что ее дочь, умница и отличница, не могла сделать ничего плохого. Пыталась рассказать о случившемся друзьям, удивленным исчезновением новичка, – но не могла найти слов. Да и не поверили бы ей, решили бы, что Тави слишком вошла в роль, вот и выдумала страшноватую, но красивую байку. Настя как будто повисла в пустоте, где ее поступкам не было ни оправдания, ни осуждения, где ее действия ничего не значили – будто ее не существовало вовсе в этом мире, как не существовало больше славного парня Андрея.

Настя приходила к оврагу каждый день – за исключением пятниц, когда там собирались на игру ее бывшие друзья. Снова и снова часами сидела под старой березой. Той осенью шли затяжные дожди, мелкая тусклая морось сыпала с неба непрерывно, оседала на волосах и лишь потом проникала дальше, леденя кожу. Реальность плыла и теряла цвет, запах, звук – ни вскрикнуть, ни пошевелиться, как в дурном, медленном сне. Настя понимала, что сходит с ума, но приходила к оврагу снова и снова.

Серое было рядом. Она, наверное, могла шагнуть в него вслед за Андреем и разделить его участь. Но ужас перед этим выморочным пространством не позволял Насте сдаться под

грузом вины. Она могла только заглядывать краем глаза – и вновь и вновь отшатываться в страхе и отвращении. Дождь мутнел и пах нашатырем. Совсем рядом...

– Рядом! – рявкнул кто-то поблизости, и Настя неохотно обернулась.

По дорожке по-над оврагом шла самая странная компания из всех, какие Настя встречала за всю жизнь.

Девушка в огненно-красной куртке, с отливающей медью косой до пояса, обмотанная винно-красным слингом, из которого едва выглядывало личико спящего ребенка. Настя моргнула, потрясла головой: нет, не показалось. В одной руке девушка держала поводья белой круглобокой лошади; с другой стороны у ноги шагала огромная белая собака. На фоне посеребрившегося парка красно-белая компания полыхала, как фейерверк, так что спутников этой безумной четверки Тави заметила не сразу, хотя именно поднятый ими шум вывел ее из ступора. Высокий мужчина с размашистыми движениями строго одергивал крупного, неестественно длинноного щенка, заставляя его идти рядом, а потом жизнерадостно и громогласно заговаривал с девушкой. Та отвечала с улыбкой, совсем тихо, и даже непонятно было, к кому она обращается – то ли к мужу, то ли к ребенку. В ее голосе слышалась мягкая ирония. Говорили о чае. Господи, подумала Настя, внезапно очнувшись, живут же люди! Идут по парку с ребенком, двумя собаками и лошадью – лошадью, черт возьми! – и выбирают, какой чай заварят дома. Зеленый, или белый, или улун...

Она вдруг поняла, что страшно замерзла и дико хочет чаю. Простого, без затей, крепкого черного чаю... цейлонского. Чтоб отливал красным в керамической кружке, белоснежной внутри, разноцветной снаружи. Чтоб никаких тонких оттенков, никаких полутонов. Только яркие, чистые, почти детские краски.

Тем же вечером, едва добравшись до компьютера, она купила билет в Коломбо.

* * *

Отличная была идея, думала Тави, обводя тонкой кистью контур рыбы с веселыми человечьими глазами. Мама, конечно, слегка опешила, обнаружив, что дочь рванула в тропики не на пару недель в каникулы, как обычно, а посреди семестра и на неизвестный срок, но довольно быстро переварила эту новость. Настиней маме лишь чуть перевалило за сорок, она была красива, умна и вечно увлечена чем-то или кем-то страшно интересным. Настя никогда не была для мамы единственным светом в окошке: они не были особо близки. Поэтому, убедившись, что с дочерью все в порядке, мама оставила ее в покое, вполне довольная нечастыми разговорами по скайпу. Настя подозревала, что она даже рада была остаться в квартире одна.

Однако в последнее время что-то изменилось. Настя чувствовала невнятное давление, которое все усиливалось. Мама явно хотела, чтоб она вернулась, но никак не могла объяснить зачем.

Вчерашний разговор окончательно выбил Настю из колеи. Заново повторялась беседа, случившаяся сразу после ее отъезда, – но теперь в каком-то истерическом варианте. Мама не хотела слушать, не хотела слышать, не хотела ничего объяснять. Настя снова и снова пыталась выяснить, что же плохого в том, что она уехала из города. Учеба? Она взяла академический отпуск. Работа? Для этого ей нужен только Интернет и ноутбук, с работой все в порядке, да и с деньгами тоже. Тут Настя по детской привычке зажмурилась, чтоб мама не увидела по глазам, что она врет. Ну, почти врет. Не голодает же она... Опасности? Даже не смешно сравнивать маленький курортный поселок на тропическом острове с Новосибирском; возвращаться ранним зимним вечером из института было куда опаснее, чем шататься за полночь по ведущим к гостинице закоулкам.

Может, мама просто соскучилась? Да нет же: пару дней назад они созванивались по скайпу, и мама отключилась через десять минут, потому что накануне купила новый роман

Кинга и отложила его на самом интересном месте... То есть все было как обычно. Она не заболела, не поссорилась с подругой или поклонником, никаких неприятностей на работе – Настя спрашивала уже наугад, пытаясь понять, что же случилось. Нет, помощь не нужна – все у нее хорошо, просто Настя должна вернуться домой. Должна, и все. Пытаясь понять, в чем же дело, Настя как будто билась головой об обитую ватой стену, а в трубке все чаще звучало – «все», «ненормально», «положено». Настя попыталась зайти с другого конца и снова объяснить, что от ее возвращения лучше никому не станет, а вот хуже – да, ей будет плохо, если она сейчас вернется домой, она не хочет, в этом нет никакого смысла. Простая логика. Иногда это срабатывало – а иногда нет, и тогда Настя чувствовала себя так, будто завязла в сюрреалистичном сне и никак не может проснуться.

На этот раз не сработало. От длинной тирады пересохло во рту. Настя, уже успевшая дойти от пляжа до кафешки и попросить жестами бутылку воды, едва не захлебнулась, услышав, что она просто малолетняя дрянь, возомнившая о себе черт знает что. Едва сумела сдержать горький смешок: ну конечно, теперь желание рвануть в дом, милый дом, должно проснуться как по волшебству. Ведь именно об этом мечтает каждый нормальный человек – чтоб его называли дрянью и указывали, где его место.

И когда Настя, растерянная и рассерженная, уже собиралась нажать на отбой, мама выдала последнюю новость, после которой оставалось только тихо сползти на ступеньки веранды и схватиться за голову.

* * *

С маминной сестрой Еленой нельзя было договориться, ее нельзя было упросить, объяснить, убедить в чем-то. В детстве Настя боялась ее до одури, да и сейчас общение с теткой вызывало у нее паралич. Это было стихийное бедствие, неумолимая сила, от которой невозможно укрыться. Елену интересовали лишь правила и приличия. Она могла говорить лишь о том, насколько хорошо ведут себя люди вокруг, и порицать тех, кто вел себя плохо. Она ругала Настю – постоянно, без перерыва. Ее любимым словом было «нельзя». Нельзя не доест то, что лежит на тарелке, проваляться лишние пять минут в кровати, встать из-за стола, не доделав уроки, нельзя горбиться или размахивать руками. Маму Елена тоже все время ругала, но та почему-то снова и снова звала ее в гости. Настя спрашивала зачем, и мама отвечала – так положено, нехорошо поступать иначе... Кажется, именно тогда Настя возненавидела слово «положено». И как же она злилась на маму и как жалела о том, что ей почему-то приходится разговаривать с тетей Еленой. Ведь она уже взрослая. Могла бы просто спрятаться под столом.

Настя прекрасно помнила ночь, когда ее посетило озарение. Она вдруг поняла про тетю Елену все-все – и ужаснулась и обрадовалось одновременно. Стоит маме узнать, кто ее сестра на самом деле, и она поможет, встанет на Настину сторону. Вместе они смогут избавиться от страшной тетки. Но Настя уже знала: есть вещи, в которые мама просто так не поверит. Нужны были доказательства.

Не теряя времени, она выбралась из кровати и прокралась на кухню. Здесь еще пахло жареной рыбой, которую ели на ужин. Ящик со столовыми приборами звякнул, когда Настя вытащила из него нож – единственный в доме по-настоящему острый нож, который ей строго-настрого запрещено было трогать. Из комнаты, где спала мама, донесся тихий стон и скрип матрасных пружин – потревоженная звуком, она повернулась на другой бок. Желтый линолеум холодил пятки, когда Настя неслышно ступала по коридору. Свет фонаря из-за окна падал на лицо Елены, гладкое и неподвижное, с грубыми синими тенями. Рука свесилась с кровати – такая бесцветная, будто ее сделали из пластмассы, с идеально ровными ногтями. В темноте красный лак казался черным. Последние сомнения исчезли. Абсолютно уверенная, что разга-

дала загадку тети Елены, предвкушающая долгожданное освобождение, Настя подкралась к кровати и, умирая от ужаса и любопытства, воткнула лезвие в эту страшную неживую руку.

И какой же потом был крик, как все бегали с бинтами и флакончиками и какое у мамы было бледное, испуганное лицо. А потом Настю назвали малолетней преступницей, пообещали отдать в милицию и заперли в ванной, и никто не хотел ее слушать. И как она рыдала – до тошноты, до рвоты... Она не хотела плохого. Она чуть не умерла от страха, когда из руки тети Елены полилась настоящая человеческая кровь. Ведь Настя была абсолютно уверена, что под ножом кожа разойдется, как пластиковый пакет, и из разреза выглянет переплетение проводов и трубок. Ведь тетя Елена не могла быть никем, кроме робота...

Когда тетка, охая и морщась от боли в порезанной руке, все-таки уехала, Настя наконец-то смогла объяснить все маме – до того ее просто отказывались слушать. И мама все поняла и даже смеялась... но смеялась как-то испуганно, словно тайком.

А теперь Елена купила путевку на Шри-Ланку и бог знает сколько раз разговаривала об этом с мамой. Настя хорошо представляла себе эти беседы: Елена напирала, требуя подробностей и деталей, ведь сестра обязана знать все до мелочей, раз уж позволила своей невоспитанной дочери уехать. Как она, кстати, могла? Ведь это просто неприлично. Как это – не знает, в каком именно отеле живет? Даже сколько звезд, не знает? Прости, но ты плохая мать, если допускаешь такое...

Н-да, вздохнула Настя, понятно, почему мама так взвинчена и почему вдруг потеряла всякий здравый смысл. Под таким бульдозером уже не до логики.

Итак, Елена едет на Шри-Ланку и желает повидаться с племянницей. Отказаться от свидания невозможно: до самой Насти тетка, может, и не дотянется, но маму сожрет. Тави не могла этого позволить. Согласиться на встречу тоже нельзя: Настя знала, что под холодным взглядом тетки она превратится в безвольного, послушного кролика. Дальнейшие события предсказуемы. Покорное согласие вернуться домой – нет, не тогда, когда удобно, а вместе с Еленой. Унизительное удивление и презрение, когда обнаружится, что денег на билет у Насти нет. Покупка этого несчастного билета. Позорная сдача маме с рук на руки – как будто Настя не живой совершеннолетний человек, а вещь, которую мама посеяла из-за распушенности и дурного характера. Обвинения в педагогической бездарности и пренебрежении родительским долгом...

Все это пронеслось в голове за секунды – а потом Настя услышала собственный голос, который говорил: надо же, как жаль, мама. Что ж ты раньше не предупредила. Я же улетаю в Бангкок – вот прям послезавтра, и билет уже никак не поменять. Как же не повезло! Но что поделаешь...

Все-таки Тави была очень удачливым человеком. Обрадуй ее мама неделей раньше – и пришлось бы выбирать между бегством и росписью. А теперь Тави как раз успевала закончить последнее бунгало и уехать с чистой совестью. Не в Бангкок, конечно, просто в другую часть Шри-Ланки. Потом как-нибудь объяснится... когда отпуск Елены закончится и опасность минует. В конце концов, Тави и так собиралась уезжать из поселка.

* * *

Работы оставалось буквально на полчаса, и Тави уже предвкушала момент, когда отойдет к самой кромке воды и полюбуется наконец полностью раскрашенной шеренгой бунгало.

– А что, мне нравится, – проговорили за спиной по-русски, и Тави, вздрогнув всем телом, выронила кисть. Толстый слой акрила на ворсинках тут же облепил мелкий песок; она, зашипев от досады, сунула кисть в банку с водой и только потом обернулась.

Перед Тави стояли вчерашние туристы – коренастый и высокий – и с беспечным любопытством разглядывали роспись.

– Да, нравится, – повторил высокий. – Эдакий примитивизм, очень выразительно.

– А по-моему, детская мазня, – возразил коренастый. – Напридумывали всяких умных слов, всяких «измов». А все для того, чтобы прикрыть банальное неумение рисовать.

Тави сжала зубы и закатила глаза. Ну вот что с ними делать? Притвориться, что не понимает? Ядовито пройтись по доморощенным критикам? Незатейливо послать к черту? Удивительное дело: сегодня они не пугали ее. То ли раздражение оказалось сильнее страха, то ли ужас перед теткой отбил способность бояться чего-то еще. И почему она вчера всполошилась? Такие обыденные физиономии нарочно будешь искать – не найдешь.

– Вы, Настя, не обижайтесь, – улыбнулся высокий. – Семен у нас неотесанный, но душа у него добрая.

– Откуда вы знаете, что я Настя? – насторожилась она.

– Слышали на пляже, как вы с мамой разговаривали. Меня зовут Илья, а это – Семен. Он хороший, светлый... человек.

– Очень приятно, – мрачно вздохнула Тави и покосилась на отмокающую кисть. Вот же прицепились. И отвернуться, чтобы продолжить работу, как-то неловко. Она вопросительно посмотрела на туристов и, ухватившись за стандартную формулу, пробормотала с кривой улыбкой: – Могу я вам чем-нибудь помочь?

Произнесенная таким тоном фраза предполагала лишь один ответ: «Нет, спасибо», – и быстрое исчезновение собеседника с глаз долой. Однако на русском волшебные слова не сработали.

– Можете, – бодро ответил Илья. – Давайте прогуляемся? Посидим где-нибудь, выпьем...

– Во-первых, я не пью... – проговорила Тави, медленно закипая.

– И правильно! – одобрил Семен. – Ты же девушка, будущая мать!

Тави замолчала, прикрыла глаза, с шумом втянула ноздрями воздух. Здравствуй, девочка, мы привезли тебе из дома подарок – классический набор отборных банальностей. И никакой тети Елены не нужно, и без нее найдутся милые люди... Спокойно. Еще пара фраз – и они отправятся искать компанию повеселее и пообщительнее. Кого-нибудь понятнее и приятнее.

– Во-вторых, я занята, – продолжила она, обращаясь теперь только к Илье.

– Бросьте, вам же положен обед. Я слышал, как вас отправляли передохнуть, и вы ответили: «Да, сейчас». Примерно полчаса назад.

«Вот же упорный, – мрачно подумала Тави. – Ладно, вежливо отделаться не вышло, придется быть честной».

– В-третьих, я просто не хочу. Ну правда – зачем мне? О чем мы будем говорить? О тонкостях примитивизма?

– Просто пообщаемся, – объяснил Семен. – Что значит «не хочу»? Нельзя так, проще надо быть с людьми...

– Вы притворяетесь? – опешила Тави. – Или правда такой дурак?

– А вот грубить не надо!

– Семен, Семен... – укоризненно окликнул Илья. – Не перегибай палку. Почему бы и не поговорить о примитивизме? – повернулся он к Тави. – Мне действительно очень нравится ваша работа. К тому же вы здесь все знаете, а мы приехали только позавчера, еще не разобрались толком. Могли бы поговорить об острове...

– Или о том, как ты дошла до жизни такой, – влез Семен.

Тави молча посмотрела на него, вяло размышляя: а что, если залепить пощечину? Непредсказуемо. Может, вой поднимет, а может, сдачи даст. И уж точно не поймет, за что огреб. Со своей точки зрения он ведет себя как нормальный мужик, а она, сопля мелкая, выпендривается и хамит. Колени стали ватными от бессильной, не находящей выхода ярости. Перед глазами за клубилась серая пелена.

– Институт бросила, – тем временем загибал пальцы Семен, – студию бросила, друзьям-приятелям даже не сказалась...

– Пожалуйста, – тихо попросила она Илью, – уведите своего друга.

– Простите, но он дело говорит, – пожал плечами тот, – вы бы послушали, он умный человек.

Семен все не унимался:

– Мать с ума сходит – хорош подарочек, дочка заделалась бомжем, малярничает за еду...

Она бы могла толкнуть это серое, как тогда, в парке. Могла бы заткнуть нашатырным туманом этот самодовольный, изрыгающий стандартные злобные фразы рот. Эти двое были такие же, как Андрей. Одной с ним породы. Они хотели затащить ее куда-то... запереть там, где она не хотела быть. Сделать из нее кого-то другого. Исправить.

В глазах темнело от ненависти. Тусклые щупальца вновь тянулись к Тави, но теперь она готова была взять их в союзники.

– Семен, Семен...

– А ты меня не одергивай! Кто ей еще правду скажет? Мать над ней всю жизнь кудахтала, вместо того чтобы хорошего ремня дать, теперь вот разгребает... К тебе же по-хорошему, тебя же на студенческую конференцию отправляли, а ты всех подвела! Тебе людям в глаза смотреть не стыдно? Как тебе еще совести хватает с матерью разговаривать после этого!

– Стоп, – сказала вдруг Тави, широко открыв глаза. Семен нависал над ней, и его и без того красное лицо побагровело от искреннего гнева... искреннего ли? – Стоп, – повторила Тави, и незримые щупальца тумана бессильно опали, не дотянувшись. – А кто вы, собственно, такие?

– Да какая разница, ты посмотри на себя...

– Бросьте строить из себя кретина! – крикнула Тави. Семен отступил – и внезапно ухмыльнулся.

– Неплохо, – небрежно бросил Илья, но Тави не обратила на него внимания.

– Так кто вы такие? – Она шагнула вперед, неосознанно приподнялась на цыпочки. – Про конференцию я даже маме не успела сказать... Какого черта! – свирепо прорычала она, заметив, что Семен опять открыл рот. – Прекратите нести банальную чушь! Будто скверных сериалов насмотрелись... или вы и правда дурак? – Она внимательно вгляделась в лицо Семена и качнула головой: – Вряд ли. Так кто вы такие и чего вам надо?

– Нам надо, чтобы ты вернулась домой, – вздохнул Илья. – И поговорить.

– Ну как же отказать таким приятным собеседникам! – любезно оскалилась Тави. – Простите, я в сортир.

* * *

Из туалета она выбралась только через два часа, когда уже близились сумерки. Через дверь выходить не решилась – вылезла в окошко, выходящее на задний двор, где сушились на веревках многочисленные простыни. Осторожно выглянула из-за угла. К счастью, пляж был пуст. Видно, гнусной парочке надоело торчать на солнцепеке, а дожидаться в кафе или в тени индийского миндаля, на удобных шезлонгах, не вышло. Злорадствуя, Тави представила, как Сильвия величественно преграждает им путь. «Простите, только для гостей «Сансамая», – говорит она с непреклонной вежливостью. – Мне очень жаль, но эти шезлонги и гамак тоже только для постояльцев». И темные пугающие фигуры оплывают под ее взглядом, становятся маленькими и жалкими. Наверняка Сильвия так и сделала: из ее гамака все прекрасно видно, а скандалов она очень, очень не любит.

Самозванные доброхоты... Какие-нибудь мамы коллеги или дальние знакомые – а может, и не мамы, может, это приятели Елены. Семен, судя по манере вести разговор, и

вовсе ее потерянный брат-близнец. По собственному почину решили помочь милой женщине, которой так не повезло с дочкой...

Тави понимала, что врет себе, что безобразный спектакль разыгран с какими-то странными и мутными целями. Что это как-то связано с Андреем. С тем, что случилось в парке. Эти двое знали, что она натворила. Возможно, знали лучше, чем сама Тави. Может, это и есть расплата? Может, они явились, чтобы наказать ее? Мысль мелькнула и исчезла, торопливо отброшенная. Считать этих двоих услужливыми дураками было спокойнее.

Одно хорошо: пересчитывая в туалете гекконов и разглядывая ржавые потеки вокруг раковины, чтобы отвлечься от размышлений о странных туристах, Тави внезапно решила проблему одежды. Она сумела использовать пятна старой краски, расписывая хижину. Так почему бы не поступить так же с футболками?

На веранде, к удаче, никого не было – время обеда уже прошло, время ужина еще не наступило.

– Разложила девка тряпки на полу-у, – дудела Тави, ползая среди расправленных на кафеле футболок с остатками акрила. – Приносили женихи коньячок, объясняли женихи, что почем... Тьфу ты!

Она помотала головой, отгоняя прилипшую мелодию, и переползла к шортам.

– Кто под форточкой сидит – отгоняй. Ночью холод подобрался с Оби... Да что ж такое!

Тави выпрямилась и оглядела пол. Вместо безобразно испачканных тряпок перед ней лежала одежда, расписанная чудным абстрактным орнаментом.

– Отлично придумано, – заметила Сильвия, неслышно поднявшись на веранду. – Выглядит словно так и задумано.

– Пока нет. Но в стиральной машинке свежая краска слегка затрется, слои сольются и будут выглядеть как единая роспись, – объяснила Тави. – Можно сегодня? Я хочу успеть завтра на первый паром.

– И куда ты теперь? В Бангкок?

Тави машинально кивнула и тут же с ужасом уставилась на Сильвию. Только сейчас она осознала свое решение, поняла, в какой страх привели ее Илья и Семен – страх настолько сильный, что она прятала его сама от себя. настолько сильный, что готова была снова увидеть, как выцветает мир, как кипит за гранью реальности пахнущий нашатырем сумрак, – лишь бы подтолкнуть людей и события так, чтобы суметь пробраться в самолет, только бы не разговаривать больше с этими пугающими людьми. От Елены можно спрятаться в какой-нибудь непопулярной у туристов деревеньке, как под столом. От этих же двоих, возможно, даже в другой стране не скрыться. Но Тави должна была хотя бы попытаться.

– Как вы узнали про Бангкок? – хрипло спросила она. Сильвия успокаивающе махнула рукой:

– Ну а куда еще? Отсюда все едут либо в Таиланд, либо на Гоа... либо домой.

Тави, прикусив губу, замотала головой. Похоже, все вокруг хотят, чтобы она вернулась домой. Не ради них, не для себя самой, не ради какого-то дела. Просто потому, что это считается правильным. Хорошее слово – «считается». И еще – «положено». Ляпнул такое – и стал неузвимым. Никаких тебе «зачем» и «почему». Ничего не надо объяснять, ни о чем не надо думать. Считается, что старших надо слушать. Тебе положено вернуться домой. Не приставай. Не хочу тебя слушать...

Впрочем, одернула себя Тави, на Сильвию-то зачем коситься? Она ничего такого не говорила, это не мама, не робот Елена и не этот отвратительный, невесть откуда свалившийся на голову Семен. Всего лишь сообщила факты. Просто день такой, что везде видится подвох. Так недолго и параноиком стать.

Тави встала, потянулась, разминая затекшую спину.

– Сходишь попрощаться с Чандра? – спросила Сильвия.

Тави неуверенно пожала плечами. Наверное, выпить чашку кофе можно. Только ноутбук с собой не брать, чтобы не засмотреться в монитор. Если что – она издали заметит Семена и Илью и сможет слинять через неосвещенный пустырь. Лучше уж вляпаться в коровью лепешку, чем в милых земляков.

Тави сунула в карман тощий кошелек и вдруг дико расхохоталась.

– Что такое? – встревожилась Сильвия.

– А чаю-то! – всхлипнула Тави. – Цейлонского чаю... так и не выпила! – Тави утерла слезящиеся глаза и снова согнулась от приступа истерического смеха.

Глава 3

Что-то на пути

Тави уселась на край бетонной кадки, прислонила рядом рюкзак и принялась за жареную лапшу. Поблизости бурлила, гремела, заходила в чадном угаре Каосан-роуд – грязная, безобразно многолюдная... любимая. Воздух там был густой, как горячий суп, и оставлял в глубине горла неуловимый сладковатый привкус корицы и бадьяна. Но здесь, на территории монастыря, было тихо и почти прохладно. Неверная тень тамаринда скользила по лицу. Перед Тави тянулась шеренга деревянных зданий с завитыми крышами – она всегда думала, что именно в них живут монахи. В кружевной кроне над головой мелодично посвистывала птица. Людей здесь почти не было – лишь у дальней стены под тентом варили что-то вкусное да скучал продавец у стенда, на котором трепетали на легком ветерке неизменные футболки. Там же темнел в стене узкий проход. Тави знала, что стоит пройти в эту щель, протиснуться между пластиковыми столиками с другой стороны, и она окажется в переулке Рамбутри, прямо напротив гостинички, не такой дешевой, как та, что она искала, но все-таки рассчитанной на самых экономных туристов.

У Каосан был скверный характер – вот и теперь она не позволила Тави попасть в гест-хаус, где комнату размером с гроб можно было снять за сущие копейки. Там нашлась бы кровать и стены из соломенных циновок, отделяющие комнатку от таких же микроскопических вместилищ для одуревших туристов. Большого пока Тави не требовалось. Но, полчаса потыкавшись по переулкам, где шныряли короткохвостые кошки со злыми янтарными глазами и пожилые тайки массировали друг другу отекавшие от жары и стоячей работы ноги, Тави сдалась. Сил после перелета почти не осталось – сейчас бы поспать. Или хотя бы просто перекусить в тишине и запить лапшу сладким холодным чаем.

Тави не знала и не хотела знать, что произошло, когда она нахально шлепнула свой помятый паспорт на стойку регистрации в аэропорту Коломбо. Важно было следить за лицом, принять безмятежный вид, как будто распечатка электронного билета лежит в кармане и может быть показана по первому требованию. Все внимание уходило на то, чтобы толкать мир в нужную сторону. Как всегда в такие моменты, Тави плохо помнила, что именно делала, и могла лишь догадываться по результату. Реальность плыла, становилась вязкой и бесцветной. Ее можно было направлять. Из нее можно было лепить. И Тави лепила – посадочный талон, свободное кресло, стюардессу, весь полет снабжавшую ее кока-колой: организм вопил дурным голосом, требуя и требуя сахара.

Она улыбалась и благодарила, изо всех сил стараясь не показать рвущего на куски ужаса. Вокруг было серо. Холодно. Ледяная кола была цвета жидкого чая и припахивала аптекой. Мир сопротивлялся, мир не хотел, чтобы Тави его толкала. Что, если она переступила черту, и в реальность никогда больше не вернутся краски? Заяц в самолете – это не математичка, которая повела весь класс в кино вместо контрольной... Именно тогда Настя впервые подумала, что делает что-то плохое, – иначе с чего бы становилось так тускло и страшно? Тогда же пообещала себе никогда больше так не поступать, никогда не использовать свои странные способности. И вот нарушила зарок – в очередной раз...

Тави была настолько рада, когда реальность встала на место, испытывала такое сильное, почти истерическое облегчение, что готова была с радостным криком броситься на шею первому встречному. Пограничник был ослеплен ее сияющей улыбкой. Девушка, которую Тави случайно толкнула рюкзаком, кажется, и вовсе заподозрила неладное: так долго и искренне перед ней извинялись. Тави подсказала, как добраться до Каосан, пожилой паре, вместе с ней поджидающей электричку, перекинулась парой слов со стайкой подростков на автобусной остановке... Но поиски гостиницы подкосили ее. Тави иссякла и теперь могла только жевать лапшу,

пялиться на редких прохожих – большей частью туристов, постигших секреты каосанских подворотен, – и перебирать смутные, подернутые как дымкой чувством вины мысли.

А ведь удивительное дело, думала Тави, машинально бросая в рот лапшу. Ну, прямо скажем, случай с математичкой был сомнительный. И когда она отпихнула мерзкого дядьку, повадившегося в гости вскоре после развода родителей, тоже, наверное, вышло нехорошо. Мама тогда очень расстроилась – хотя Тави старалась не для себя, на нее мамин жених просто не обращал внимания. Ей не нравилось, как он разговаривает с мамой. Какая она становится с ним... послушная. Как с тетей Еленой. Надо было, наверное, сначала спросить...

Но вот когда Тави оттолкнула – мысленно оттолкнула – малыша, бегущего прямо под взлетающие железные качели, это совершенно точно был хороший поступок. И когда она, маясь от необъяснимой тревоги, заставила компанию попивающих пиво студентов выйти из-под козырька подъезда, который рухнул буквально через пару секунд. Или когда она направила волну... это было самое яркое, самое сильное ощущение – она впивается взглядом в гребень, видит, чувствует всем нутром потоки, движение воды и движение незримого тумана... И девушка, совсем недавно вставшая на доску и не рассчитавшая силы, выпрямляется и плавно скользит к берегу, вместо того чтобы быть перемолотой прибоем. Это ведь было хорошо, правильно. Почему же мир серел? За что Тави чувствовала этот страшный, мертвенный холод?

Наверное, вмешательство в реальность, необъяснимое воздействие на непонятные слои, туманные массивы, незримые потоки, то, что Тави не могла описать, но могла сделать, само по себе было злом, и мотивы не играли никакой роли. Может, она влезла в какой-то сложнейший план, как ребенок-трехлетка, искренне желая помочь, влезает кисточкой в грандиозную недописанную картину... и в наказание ему запрещают смотреть на полотно. Лишают красок.

* * *

Тави огляделась, ища, куда выбросить опустевший пенопластовый лоток из-под лапши. Бангкок не менялся: урн здесь по-прежнему не водилось. Метрах в пяти уже зародилась небольшая кучка мусора, выросшая на оставленной кем-то бутылке. Тави со смущенным вздохом пристроила туда же свой лоток. Плохо, но... Вот вечно так: понимаешь, что поступаешь нехорошо, и тут же пожимаешь плечами – а какие у меня варианты?

Мимо неторопливо прошла монахиня. Морщинистая, наголо бритая, она отличалась от своих братьев только цветом рясы – не оранжевой, а незапятнанно белой. Монахиня свернула в проход между деревянными домами, и Тави задумчиво проводила ее взглядом. Ей нравились буддистские монахи, спокойные и в то же время веселые. Они явно знали об этом полном страданий мире что-то очень радостное и обнадеживающее. Тави вдруг страшно захотелось оказаться среди людей, которым нечего бояться, которым нет нужды суетиться и тревожиться. Она никогда не пыталась вписаться на ночевку в храм, хотя часто читала об этом на форумах путешественников. Как-то само собой казалось, что этот вариант – только для парней. Однако если на свете есть женщины-монахи – почему бы не быть и путешественницам, которые у них ночуют?

Тави встала, прикидывая, куда именно ушла старушка, и со стоном нацепила рюкзак. Деревья, посаженные во времена, когда Таиланд назывался Королевством Сиама и знать не знал европейцев, манили густой, свежей тенью. Но стоило углубиться в проход между зданиями, и тишина стала почти давящей. Здесь пахло благовониями и цветами. Оглядевшись, Тави заметила кустики орхидей, привязанные проволокой к древесным стволам. Не удержавшись, провела пальцем по пятнисто-багровому, толстому, будто сургучному лепестку. Людей здесь не было – только прыгали под ногами, деловито переговариваясь, нахальные черные майны с желтыми хохолками.

– Привет! Есть здесь кто-нибудь? – окликнула Тави.

Скрипнула дверь, и на высоком крыльце мелькнула оранжевая ряса. Тави смущенно отступила.

– Вам сюда нельзя, – произнес монах.

Он говорил на английском почти без акцента. По загорелому, выскобленному до блеска скальпу бегали солнечные зайчики. Худое лицо с морщинистым лбом могло принадлежать и сорокалетнему, и глубокому старику. Глаза под старомодными очками смотрели доброжелательно, но твердо. Монах явно был настроен мягко выставить зарвавшуюся туристку, и Тави стало до того неловко, что она покраснела. В самом деле, влезла на чужую территорию, шумит...

– Извините, – пробормотала она, попятившись. – Я ошиблась.

Монах сочувственно кивнул, пристально вглядываясь в ее лицо. Тави уже собралась ретироваться, когда он вдруг спросил:

– Вы искали убежища?

Внезапно больно сдавило горло. Простой вопрос и мягкое сочувствие, мелькнувшее в темных глазах, разрушили защитную стену, отгораживающую усталость и страх. Тави нелепо дернула головой, изображая кивок, и почувствовала, как из глаз сами собой катятся слезы.

* * *

Они шли минут десять. Плакать Тави перестала, но нос забило, а достать платок она стеснялась и все задирала голову, как затянутая лошадь. Не разбирая дороги – по Рамбутри, через улицу, где монах, которого, как оказалось, звали Дэнг, придержал ее за рукав, не дав шагнуть под розовое, словно леденец, такси. Мимо маленького воинственного форта, через парк, где на каждой скамейке сидели молодые люди, погруженные в свои гаджеты. Впереди тяжело билась о набережную желтая Чао Прайя, пахло рыбой и гниющими фруктами. Густое месиво рваных пакетов, водяного гиацинта и пластиковых бутылок стучало о маленький ржавый шлюз, отделяющий от реки устье узкого канала. Брезент, натянутый поверху, треснул и подтекал.

Горбатый мостик через канал упирался прямо в дверь дощатой хибары, нависающей над водой. Потертая вывеска обещала кровать и завтрак. Узкая веранда была уставлена горшками с бугенвиллеей. На мостике стояли дешевые пластиковые кресла – в одном из них, задрав ноги на парапет, сидел над толстой книгой обросший пегой бородой татуированный дядька в драной майке. Заметив монаха, он привстал.

– Ну вот, – сказал Дэнг, входя на веранду, – здесь дешево, а главное, очень тихо.

Тави со вздохом облегчения сняла рюкзак и сбивчиво забормотала благодарности, стараясь не смотреть в печальные глаза за толстыми стеклами. Ей было стыдно за свои слезы, за то, что этот добрый человек тратит время, чтобы помочь ей, хнычущей, бесцеремонной бездари... за само свое существование.

– Знаешь, люди, которые заходят к нам вот так, – внезапно сказал монах, – либо настолько глупы, что видят лишь себя, либо отчаянно нуждаются в помощи. Правда, это одно и то же, – бросил он в сторону.

– Простите, – пробормотала Тави, – я не хотела мешать...

– Ты из вторых, – остановил ее жестом монах. – Твой разум замутнен страхом и желаниями, и ты сбилась с пути.

Тави мрачно шмыгнула носом и приготовилась к обороне.

– Хочешь поговорить? – спросил Дэнг.

Она пожала плечами. Татуированный бородач протиснулся мимо них ко входу, буркнул через плечо: «Да вы б зашли, хозяин где-то там», – и скрылся в глубинах гостиницы.

– А вам разве не надо читать мантры или медитировать? – смущенно спросила Тави, проводив бородача взглядом.

– Надо, – весело улыбнулся Дэнг и вдруг ловко извлек из складок рясы пачку сигарет и зажигалку. – А еще мне надо творить добро. Ты измучена мыслями, которыми тебе не с кем поделиться. Я могу тебя послушать. Разве не за этим ты шла, когда мы встретились?

Монах закурил и уселся прямо на пол, приглашающе похлопал ладонью перед собой.

– Не бойся, я не собираюсь тебя осуждать и обвинять в обмане. Ну так что? – Тави мрачно пожала плечами. – Расскажи же, как впервые столкнулась с Сумраком.

Колени Тави подкосились, и она почти рухнула на доски веранды, в последний момент удержав равновесие. Дэнг терпеливо смотрел на нее сквозь очки, и глаза у него были добрые и спокойные. Он готов был слушать. Как будто река вдруг встала дыбом и всем своим сильным змеиным телом ударила о держащийся на честном слове шлюз.

– У нас была контрольная по математике, и полкласса не приготовилось, – медленно проговорила Тави. Дэнг с улыбкой кивнул. – И тогда я...

Поначалу слова выходили с трудом, но, начав, Тави уже не могла остановиться. Она говорила все сбивчивее и торопливее, путаясь в грамматике, размахивая руками, чтобы помочь себе найти слова. Говорила о математичке и задержанных гонорарах, об Андрее и брошенном институте, о маме и ее противном поклоннике, о роботе Елене, странной Сильвии и разрисованных бунгало, о необъяснимо страшных Семене с Ильей и глупой бедности и, главное, – о сером, снова и снова – о сером, о провалах в памяти, и снова и снова – о том, что произошло в парке. Говорила о чае, и кофе, и веселых братьях Чандра. И опять – о сером, которое всегда было рядом и которое монах назвал Сумраком... так точно и так понятно. Ей не хватало слов – даже на русском объяснить, что случилось в парке, было безумно трудно. Английские слова проскальзывали сквозь пальцы, прятались в закоулках памяти, но она все-таки пыталась – и видела, что Дэнг понимает. Понимает настолько хорошо, будто воспринимает не слова, а картинку, ощущения, которые она так мучительно пыталась передать.

С реки донесся залихватский свист рейсовой лодки, подходящей к причалу, и Тави вздрогнула, сбитая с мысли. Дэнг склонился над каналом, макнул в воду коротко зашипевший бычок и аккуратно спрятал его в целлофан от сигаретной пачки. Тави тут же вспомнила лоток из-под лапши и покраснела.

– Вот что со мной не так?! – воскликнула она. – Что ж я за человек такой...

– Так ты же не человек, – ответил монах и удивленно шевельнул бровями, увидев ее округлившиеся глаза. – Неужели ты до сих пор не знаешь, что ты – асур?

– Что?! – переспросила Тави тонким голосом. – Жадный демон-психопат?!

Монах осекся и вдруг расхохотался так, что был вынужден снять очки.

– Почему же психопат? – спросил он, протирая стекла и все еще посмеиваясь. Тави растерянно пожала плечами. – Асуры – это существа, чьи желания настолько сильны и необузданны, что они не отдают жизненную энергию, как все живые существа, а только получают.

– По-моему, у меня сейчас вообще нет энергии, – уныло заметила Тави.

– Это временно, – небрежно махнул рукой монах. – Асуры яростны и сильны, они ищут и не могут обрести спокойствие. Они живут среди людей, но их истинный дом – воды моря вокруг великой горы Сумеру... Сумрак. Их постоянно мучит жажда деятельности. Их желания так неодолимы, что вызванные ими страдания невыносимы. Но в этом же – сила асуров, и потому они способны к магии.

– К магии, – тупо повторила Тави.

– Хочешь найти какое-нибудь другое слово?

– Нет, все в порядке, – пробормотала Тави и тряхнула головой. Все-таки одно дело – воображать себя волшебницей, и совсем другое – слышать о магии от постороннего человека, на вид совершенно разумного. Здравый смысл подсказывал, что Дэнг – просто сумасшедший, свихнувшийся на том, что было под рукой, – на буддистской мифологии. Не спорить, и все

дела. В конце концов, монах здорово помог ей, позволив выговориться. Теперь Тави просто обязана сделать для старичка то же самое. Сейчас Дэнг казался невообразимо старым.

Однако что-то не сходилось. Тави всматривалась в лицо монаха и все больше проникалась уверенностью, что Дэнг – самый нормальный из всех людей, которых она когда-либо знала. Противоречие было настолько сильным, что от него чесался мозг.

– Это какая-то метафора? – ухватила она за соломинку.

– Да нет же, – качнул головой Дэнг. – Асуров много. Те из них, кто не знаком с учением Будды, называют себя Иными...

«Ты – Иная, – прозвучал в голове голос Андрея. – Магия существует...»

– Асуры, которые полностью приняли свою природу, называют себя Темными. Есть и другие – не смирившиеся со своим перерождением и стремящиеся нести добро людям. Они зовут себя Светлыми. Темные и Светлые – враги друг другу, но на деле между ними нет разницы: яростное желание блага – себе ли, другим – несет лишь зло и страдание. Есть и третьи. Те, кто следит за равновесием, чтобы Темные и Светлые асуры не пошли войной друг на друга: ведь их гнев так велик, что может низвергнуть мир в Сумрак. И каждый асур, не отвергший свою природу, не отказавшийся от волшебства, в глубине души жаждет лишь силы. Его гложет зависть к тем, у кого ее больше. Ему всегда требуется сила, все больше и больше энергии, чтобы исполнить свои неутолимые желания...

– Но, Дэнг, – слабым голосом проговорила Тави, – я же...

«Не такая», – хотела она сказать и задумалась. Видимо, все ее мысли отчетливо отражались на лице, потому что Дэнг печально кивнул.

– Но почему? – с отчаянием спросила Тави. – Что я такого сделала, что превратилась в это?

– Ты уже родилась такой. А почему... Кто знает, кем ты была в прошлой жизни? Может, человеком, который совершил много зла. А может, животным, невинным и буйным, и это – ступень не вниз, а вверх...

Тави схватила за голову. Больше всего ей хотелось отвергнуть слова монаха, объяснить их бредом или счесть замысловатой буддистской метафорой: только пойми, что к чему, и тут же наступит просветление. Однако серое стояло за плечами. Тави чувствовала дыхание Сумрака. Она была в нем. Она умела толкать мир в нужную сторону.

– Асуры ищут друг друга, объединяются. Владеющим магией слишком одиноко жить среди людей, ведь им приходится скрывать свое существование. Но их власть огромна, ведь единственная настоящая радость Иного – менять судьбы людей так, как он считает нужным. Они находят юных асуров, еще не осознавших свою природу, и берут под свою опеку. Эти двое, которых ты встретила на острове...

– Да, я поняла, – пробормотала Тави. Стоило представить Семена в качестве опекуна и наставника, и ее охватило желание драться. «Полезут опять – дам в морду и убегу, – мелькнула мысль, – не станут же они меня силой отлавливать...» А голос монаха все шелестел – видно, ему самому давно хотелось поговорить о том, что скрыто от обычных людей.

– Теперь ты понимаешь, что происходит? – тихо спросил монах. – Ты даешь волю своим желаниям, позволяешь себе быть асуром – и тут же погружаешься в пучины моря вокруг горы Сумеру, куда мы были низвергнуты богами...

– Мы?!

– Конечно. Откуда ж мне все это знать, по-твоему?

– Ну, вы же монахи, – растерянно пожала плечами Тави. – Простите, но вы не похожи на чело... асура, измученного завистью и желаниями.

– Потому что милосердие Будды бесконечно, – улыбнулся Дэнг. – И для асура есть путь к освобождению. Ты можешь перестать страдать. Ведь эти мучения существуют только в твоём уме.

– Вы же не будете запирать меня и бить палкой по голове, чтобы я быстрее достигла просветления? – подозрительно спросила Тави.

– А ты считаешь, что по-другому никак? – хмыкнул Дэнг. – Думаешь, я беру в ученики всех напуганных туристов, которых удастся поймать?

– Да я уже не знаю, – буркнула Тави. – Что же делать? Стать монахиней, как вы?

Она представила себя замотанной в белую рясу, беззвучно скользящей по предрассветным улицам с плоской для подаяния в руке. Бледная моль, жалкая тень бывшей Тави. Тишина и медитации, спокойствие... Она же хотела спокойствия? Такая жизнь не лишена радости – во время путешествий по Азии Тави повидала достаточно монахов, чтобы понять это. Но это точно не та жизнь, которой она хотела. Надо совсем устать и вымотаться, чтобы допустить самую мысль о таком существовании.

– Зачем же сразу в монахини? – покачал головой Дэнг. – Просто тебе придется выбрать. Это не правда, что у асуров нет свободы воли. Есть. Но им много труднее, чем людям: судьбы асуров жестче, определенной, чем судьбы людей, и их почти невозможно поменять. Но все-таки, если много трудиться и избегать соблазнов, которых у тебя намного больше, чем у людей... Но ты все-таки можешь выбрать, пойти ли по пути асура или встать на срединный путь, прожить человеческую жизнь, очистить карму.

Тави тихонько вздохнула, и монах понимающе улыбнулся.

– Не думаю, что тебе будет трудно выполнять заповеди Учителя, – успокаивающе произнес он. – Они просты и естественны, и скорее всего ты уже, не зная сама, соблюдаешь их. Намного труднее будет отказаться от возможностей, данных тебе с рождения, тех, что дарит тебе Изначальная Сила. Но если сумеешь – в следующей жизни переродишься в человека. В единственное существо, для которого возможно освобождение от колеса сансары, от вечных страданий и зла. Но тебе придется выбирать. Иначе это произойдет само собой, без твоей воли.

– Это как? – насторожилась Тави.

– Иные не оставят тебя в покое. Они захотят, чтобы ты стала одной из них, и будут заманивать тебя обещанием магии, обещанием силы и власти, обещанием возможности творить добро... ведь ты из Светлых, ты стремишься к этому. Не сделаешь осознанный выбор, поддашься течению – и сама не заметишь, как отвергнешь человеческую жизнь и растворись в своих соплеменниках. И все они будут убеждать тебя, что ты решила правильно. Ты забудешь даже, что ничего не решала, так асуры умны и лукавы. Самый сильный и необузданный из них – Джору, его хитрость не знает границ, остерегайся его...

Монах вдруг поморщился, будто вспомнил о чем-то очень досадном, и Тави показалось, что он сейчас просто и незамысловато выругается. Но Дэнг уже взял себя в руки.

– Но и другие асуры для тебя опасны, – немного торопливо добавил он. – Ведь устоять будет почти невозможно.

* * *

Тави мрачно следила за оранжевой рясой Дэнга, все еще мелькающей на краю парка.

– Вот что это было, а? – печально спросила она в пространство. Перегруженная голова гудела, мозг буксовал, отказываясь обрабатывать новую информацию. Хоть монетку бросай: верю – не верю... Впрочем, не верить в существование Сумрака она не могла. А вот объяснения...

– Но логично же! – произнесла Тави совсем уже жалобно.

В канале громко плеснуло, мелькнула плоская скользкая голова с толстыми усами. Наверняка съедобная, подумала Тави и тут же поняла, что снова проголодалась. Хорошо рыбам: ни мозгов, ни чувств, можно лопать их с чистой совестью. И Дэнгу хорошо – у него есть вера, он с этой верой вырос, для него существование асуров так же естественно, как чашка жареного риса

с утра. А главное, совершенно понятно, что с этим делать. Для него единственная разумная цель – прыгнуть с колеса сансары и уйти в нирвану. А если Тави пока не хочет прыгивать? Ей пока, между прочим, и здесь нравится... Ну и что, что этот мир – иллюзия. Зато красивая.

Она вдруг поняла, что монах так ничего и не сказал о самом важном: о том, что случилось с Андреем. Не подсказал, как ей с этим жить. Ведь именно для этого она сунулась в монастырь – чтобы кто-то рассказал ей, как жить с этим ужасом внутри. Или такие случаи – нормальное дело для асуров? С точки зрения Дэнга, обижать людей и зверей нехорошо, а убивать – вообще немыслимо. А как насчет Иных? Не люди же, в самом деле, и не животные...

Тави замотала головой. Если так – она совершенно точно хочет остаться человеком, тут и выбирать нечего. И вообще к черту асуров. Ей сейчас надо совершить подвиг и найти в недрах загадочной гостиницы хозяина, или дежурного, или хотя бы того парня в татуировках. Любого, кто сумеет выделить ей кровать. Остальное – потом. Может, ближе к вечеру у нее даже найдутся силы пройтись. Может, она даже разорится на кофе в прохладной, всегда малолюдной кофейне неподалеку. Помнится, там еще потрясающе вкусные булочки... Но сначала надо хоть немного подремать.

А гостиная здесь, кажется, прямо на мосту, подумала Тави. Пока она маялась на веранде и тупо пялилась в мутную воду канала, сгинувшего бородача сменили двое в дрэдах, один в наушниках, другой – с путеводителем. На мосту – не под мостом, уже хлеб, решила Тави и волоком потащила рюкзак через низкий порожек.

Глава 4

Следуй за червями

Магия существовала, и ее было много. Тави, прикрыв глаза, лавировала в толпе, запрудившей вечернюю Каосан. Ей не надо было смотреть. Разноцветные огни вывесок, бьющие сквозь веки; запахи горячего масла, ананасов, тлеющих благовоний, подгнившего мусора; капли пота, выступившие над губой, толчки прохожих, задевающих ее плечами; шкварчание сковородок, обрывки музыки, несущейся из баров, крики зазывал и звон бубенчиков, отчаянно сигналившие тук-туки и тележки с едой... Все это только отвлекало от главного. Тави чувствовала волшебство – всплески, течения, волны, напряжения сил. Как вода. Как серое море вокруг горы Сумеру. Смутно, непонятно, но Тави могла чувствовать эту энергию – и теперь позволяла себе делать это. Она родилась такой и теперь наконец могла это признать.

Жизнь явно налаживалась. Тави отлично выпалась – гостиница на канале оказалась неожиданно уютной. Съела огромную тарелку вкуснейшего утиного супа и даже сделала маникюр, избавившись наконец от кошмарных остатков лака: один из журналов перевел долгожданный гонорар за иллюстрации. Но это было так, приятные бонусы. Страх, мучивший Тави много месяцев, наконец затих. Его можно было увидеть, с ним можно было бороться. Назвать что-то – все равно что облить краской невидимку. Стоит дать чему-то имя, и оно становится не таким пугающим. Сумрак. Асуры. Не серое, не потеря – обретение еще одного способа видеть мир. Еще одного слоя, пусть и монохромного. Тави было немного неловко перед монахом, но не могла же она принять решение, не поняв, что именно выбирает и от чего отказывается? «Я только смотрю, – шептала она неведомому художнику, – ничего не трогаю, только смотрю». Она не собиралась выпускать на волю разрушительную натуру асура. Ей просто было интересно.

Тави попыталась взглянуть чуть по-другому – и обнаружила, что, кроме серого Сумрака, существует кое-что еще. Люди не были бесцветными. Людей окружали яркие, узорчатые коконы удивительной красоты и сложности. И эти коконы взаимодействовали с тайным движением тумана...

– Ох, – восторженно выдохнула Тави. Кокон человека впереди полыхал и трепетал, как языки пламени, и Сумрак вокруг него завивался тонкими, но отчетливыми спиралями. Вокруг посверкивали, искрили радостью коконы попроще. Все это переплеталось, влияло одно на другое, за всем этим виделась целенаправленная воля. Тави застыла, пытаясь разгадать тайну происходящего, и лишь через несколько минут догадалась посмотреть на странное действие в обычном мире.

Плотный человечек с высоким желтым лбом и огромными залысинами, в черной жилетке с кучей карманов, колдовал над картой в окружении восхищенных туристов. Он поводил ладонью – и карта, висящая в воздухе, закручивалась, плавно плыла туда, куда указывала рука – вокруг человека, за спину, над головой... Это было волшебство. Это была самая настоящая магия, пусть замаскированная под фокус, зато очевидная и понятная.

Внезапно Тави стало обидно за этого Иного, вынужденного пробавляться уличными выступлениями. Зрители смотрели с интересом, но как-то снисходительно, сверху вниз. Они показались Тави неприятно жалкими. Стоят и хихикают, как любопытные обезьяны, над тем, кто много сильнее их. Половина на ногах не держится, наладились дешевых коктейлей, глаза пустые. Один и вовсе вылез в круг и попытался схватить карту – фокусник чуть отступил, легким жестом отвел потную красную лапу, не прерывая полета. Пьяный, кривляясь, начал копировать его движения, и в толпе заржали. Ничего им не нужно, кроме хлеба и зрелищ, да и зрелища – чем тупее, тем лучше...

Тави вдруг сообразила, что может не меньше фокусника, наверняка может и больше, много больше. Если эти зеваки не дорожат тем, что родились людьми, зачем церемониться? Если они не ценят чуда – может, стоит заставить? Слегка толкнуть кружок зрителей – и они проникнутся почтительностью и изумлением. Этому асуру больше не придется притворяться уличным шарлатаном, чтобы развлечь их. Почему он... ладно – почему она должна прятаться?!

Тави с легким презрением оглядела толпу, примериваясь. Какого черта Светлые асуры до сих пор не привели человечество в разум, не очистили от зла? Зачем скрывать силу? Они же ничего не понимают. Хорошо Дэнгу рассуждать, сидя за стенами монастыря, что асуры несут лишь зло... Вылез бы как-нибудь вечером и посмотрел сам. Интересно, как он поступил бы на ее месте?

Тави испуганно попятилась, сообразив наконец, что именно собиралась сделать. Ну надо же – еще и суток не прошло, как она узнала о своей природе, а уже смотрит свысока на людей только потому, что родилась Иной. Так можно далеко зайти, Дэнг, пожалуй, прав. Вот же мутный тип, с раздражением подумала Тави, совсем запутал. Что ей делать прямо сейчас? Вроде бы фокусник не творил ничего плохого. Люди вокруг улыбались, счастливые от причастности к мелкому чуду. Наивные и глупые, не знающие, что чудо – настоящее, а у мира существует изнанка. И кто знает, что принесет им будущее, отравленное соприкосновением с магией... Попытался бы монах остановить фокусника? Должна ли Тави останавливать всех встречаемых асуров?

Фокусник отправил карту в очередной полет вокруг своего залысого лба, на секунду поднял глаза и вдруг по-свойски подмигнул Тави. Она смущенно спряталась за спинами зрителей. Отвернувшись, бездумно шаря глазами по толпе, – и светловолосый парень с добрыми глазами, шедший прямо на нее, вдруг остановился, будто споткнувшись.

* * *

Наверное, так чувствует себя человек, которому на голову уронили мешок с песком. Звуки глохнут, будто уши заложили толстой оконной ватой. Кости превращаются в дрянную резину, а поле зрения сужается до размеров самолетного иллюминатора – будто кто-то выключил свет и тут же врубил прожектор, четко направленный на одно-единственное лицо.

Он выглядел усталым, почти изможденным, как после долгой болезни. Капли влаги поблескивали в неопрятной белобрысой щетине на щеках – капли пота, а не нудного сибирского дождя. В руках фотоаппарат-«мыльница», на запястье – браслет из рыбьих позвонков, купленный на соседнем лотке. Нормальный беспечный турист, а что вид измученный – так, может, из-за диареи, нечего было налегать на экзотические фрукты. Может, человек, может, асур. Но совершенно точно – не призрак невинно убитого.

– Привет, – решительно сказала Тави и, поднявшись на цыпочки, изо всех сил залепила пятерней по этому мокрому лицу.

Андрей покачнулся и схватился за щеку.

– Ты... – выдавила Тави. – Ты... живой! Я чуть из-за тебя с ума не сошла, я почти в бомжа превратилась, а ты...

– Не сдох, да, – подсказал Андрей сквозь зубы и выпрямился. – Ну извини.

– Ты... – Тави всхлипнула, сердито вытерла глаза кулаком. – Я искала, хотела пойти в милицию и сознаться. Звонила в больницы – все без толку, я знала, что все неисправимо, но надеялась... но была уверена, что убила тебя, с этим же невозможно жить, понимаешь, ты, сволочь?! Я хотела покончить с собой, – ровно проговорила она. – Какого ж ты... почему ты не дал мне знать?! Какого черта? Ненавижу тебя! – Голос дал петуха, и она осеклась.

– Истеричка! – процедил Андрей.

– Я не в истерике! – заорала Тави. – Я, блин, злюсь!

– То есть сначала чуть на тот свет не отправила, а теперь злишься на меня же? Мило.

– Я испугалась! А ты, если такой крутой асур, мог бы...

– Кто? – опешил Андрей, и Тави сбавила обороты.

– Не важно, – пробормотала она. – Я испугалась, понимаешь? Пыталась это как-то прекратить. Я не знала, что так получится! Не собиралась нападать. Я не хотела!

– Давай называть вещи своими именами: ты пыталась меня убить, – спокойно ответил Андрей. – И чего теперь хочешь? Откуда эти претензии? Я что, утешать тебя должен? Может, еще и на свидание пригласить?

– Я тебя убивать не хотела! – заорала Тави, срываясь на визг. – А вот врезать еще раз хочу, – добавила она почти спокойно и снова замахнулась.

Андрей, уже оправившийся от неожиданности, ловко перехватил руку. Они застыли лицом к лицу, громко сопя и сверля друг друга взглядами. Вцепиться бы в него зубами, с ненавистью думала Тави. Она понимала, что не права, – радоваться надо, что все обошлось, и извиняться, а не наезжать. Но ярость была слишком сильна. Ведь мог же дать знать! Мог попытаться отомстить, наказать, что угодно, лишь бы она узнала, что не совершила неисправимого... Но вместо этого Андрей просто исчез. Тави в бешенстве дернулась, пытаясь вырвать руку. Заехать по этой благородно негодующей физиономии. И когтями...

Мягкая, чуть грязноватая рука легла на плечо Андрея, и тот недовольно покосился на непрошеного свидетеля. Перед ним стояла женщина в рваной футболке, с пышной прической, сбившейся в колтуны. Она улыбалась как самый счастливый человек на свете, но ее темные глаза были абсолютно пусты. Андрей машинально взглянул на ауру и заморгал от удивления: неиницированная, неопределившаяся Иная, довольно сильная – второй-третий уровень... и абсолютно, безнадежно безумная.

– Не делай этого, – проговорила женщина на английском, и Андрей невольно разжал руки. Женщина пошла прочь, по-прежнему блаженно улыбаясь и шаркая драными вьетнамками.

– Это кто? – испуганно спросила Тави. Андрей пожал плечами. Девушка растеряла запал и теперь снова походила на скромную, чуть замкнутую, но милую студентку Настю, инициировать которую казалось такой простой и приятной задачей. Даже почетной задачей: ведь Андрей не так давно сам был учеником. К сожалению, под симпатичной шкуркой пряталась крайне неприятная натура. Странно, что она вообще оказалась Светлой – с таким-то характером. Тави оторвала взгляд от сумасшедшей, заглянула Андрею в лицо, и он, не дожидаясь новых обвинений, выставил перед собой ладонь.

– Хватит, – проговорил он. – Иди остынь. Червяков вон пожуй.

* * *

Проводив взглядом девушку, деревянно шагающую прочь, Андрей поспешно достал мобильник.

– Антон, ты не поверишь, – заговорил он с плохо сдерживаемым возбуждением. – Здесь моя подопечная. Да-да, бешеная эльфийка... Да, засекла, не повезло. А что я мог сделать?! Сказать, что обозналась? Она сразу морду мне бить полезла... да нет, какой там, обычная бабская драка... – Он поморщился и притронулся к щеке. – Отправил поест жареных личинок... Почему сразу извращенец?! Нет, память не трогал – а какой смысл, если ее надо брать? Да я практически уверен, думаешь, совпадение? Только приехала – и сразу труп. Да потому что психопатка! Семен с Ильей уже?.. Отлично, сейчас встречу. И вот еще, Антон, – здесь в монастыре живет один... Светлый, вне категорий. Но он странный какой-то и вообще монах. На него можно рассчитывать, если что? Спроси у шефа, они наверняка знакомы... Что?! Великий

Красный Червяк?! – Андрей неуверенно заржал. – Не хочет о нем говорить? Ладно, у Великих свои разборки...

Нажав на отбой, он быстро зашагал к стоянке такси – и успел как раз вовремя.

– Ну что, дозорный, нет тебе покоя? – бодро воскликнул Семен, вылезая из блестящей оранжевой машины. За его спиной маячил длинный Илья.

– Съездил в отпуск, называется, – сердито откликнулся Андрей.

– Привыкай, – посоветовал Семен, – с твоим уровнем штаны просиживать не придется.

– Да уж привыкаю, – криво ухмыльнулся Андрей. – Вы, главное, пока никого больше инициировать не просите. Нервное оказалось занятие, не успел подлечиться с прошлого раза. – И он снова машинально прикоснулся к щеке.

Следуя за Андреем, они нырнули во двор длинного, как поезд, деревянного здания, больше похожего на сарай. Расположились в открытом кафе, рядом с гигантскими горшками, в которых плавали лотосы и бодро поквакивали пестрые жабы с надутыми желтыми горлышками.

– Ну, докладывай, – велел Семен. – А то шум, бедлам, шеф велит срочно рвать в Бангкок, вам ближе, говорит, и дешевле. А мы, между прочим, на пляже лежали... Но не только. Проведали заодно твою подопечную – хороша, ничего не скажешь. Да, Антон перезвонил, знаем, что здесь объявилась. Ты прав – вряд ли совпадение.

– Да я практически уверен, – ответил Андрей.

– Рассказывай по порядку.

– Вчера во время прогулки я был остановлен сотрудниками местного Ночного Дозора, – сосредоточенно хмурясь, заговорил Андрей. – Меня попросили оказать помощь в расследовании убийства. Жертва – Светлый Иной седьмого уровня, гражданин России. Причина смерти – полная потеря жизненной энергии. Следов банального вампиризма нет...

На веранду поднялись двое, и Андрей прервался.

– Роти и Чанг, – представил он. – Ночной Дозор Бангкока.

Чанг действительно походил на слона – крупный, с покатыми плечами и маленькими умными глазками. Боевой маг четвертого уровня, он держался чуть позади, будто был простым телохранителем Роти – хрупкой и изящной, как миниатюрная статуэтка, с по-детски круглым улыбчивым лицом. Волшебница второго уровня, потенциально готовая шагнуть на первый, конечно, в охране не нуждалась, но с явным удовольствием отыгрывала роль беззащитной девушки. Впрочем, стоило ей заговорить, и стало ясно: Роти привыкла руководить. Голос у нее был уверенный и низкий, как у виолончели.

– Спасибо, что так быстро пришли на помощь, – сказала она. – Конечно, есть вероятность, что это наш Иной, не знакомый с договором. Наши ребята обшаривают рынок амулетов, но пока никаких зацепок...

– Рынок амулетов? – заинтересовался Илья.

– Многие люди в Таиланде верят в магию, – улыбнулась Роти. – Поэтому у нас так много диких Иных. Им проще принять и осознать свои способности. В общем-то это главная специализация бангкокских Дозоров – отлавливать и вразумлять тех, кто слишком уж увлекся. С убийствами мы сталкиваемся крайне редко. Тем более – с убийствами туристов. Мы почти уверены, что ваш соотечественник погиб не случайно. Он работал в вашем Дозоре? Был важной персоной?

– Нет, – покачал головой Семен. – Слабый Иной, выбравший человеческую жизнь. Грустная история: инициировали одного парня, и он, едва начав курс, обнаружил, что любимый учитель, с которым он привык гонять чаек, тоже Светлый Иной. Успел рассказать нам, а потом... Да ты его знал, – повернулся он к Андрею. – Ты же засек тогда старшего Саушкина.

– Математик? – напряженно спросил Андрей, отводя взгляд. Он не был виноват тогда и поступил абсолютно правильно. Но вспоминать об этом правильном поступке было мучи-

тельно стыдно. Прошло много лет, Андрей из любопытного нахального подростка превратился в довольного опытного оперативника и прекрасно понимал, что разумные поступки куда полезнее для Света, чем бездумный героизм, – но ему до сих пор было стыдно. А еще – очень страшно, несмотря на то, что психическую травму, полученную в стычке со взбесившимся Высшим вампиром, лечили лучшие Светлые целители.

– Он самый, – кивнул Илья. – А теперь и его учитель.

– Связь?

– Вряд ли, – покачал головой Семен. – Просто несчастливая цепочка. Так бывает.

– Бывает, – согласилась Роти. – И все-таки – может, у вас есть предположения? Информация?

Илья вздохнул и покосился на Андрея. Тот замялся, вертя в руках бутылочку колы и глядя на особенно толстую жабу. Посмотрел на Семена – тот пожал плечами и кивнул.

– Несколько месяцев назад я получил задание инициировать Светлую волшебницу, – неохотно заговорил Андрей. – Как минимум – ввести в Сумрак и передать под опеку местного отделения. Как максимум – убедить переехать в Москву, пройти обучение и начать работу в Дозоре. – Андрей помолчал и неохотно выдал: – Задание я провалил.

– Ты не мог... – вступился Илья.

– Да конечно, не мог! – огрызнулся Андрей. – И тогда, с Саушкиным, не мог, и сейчас... – Заметив, что бангкокские коллеги неприятно удивлены, он взял себя в руки и сбавил тон. – У моей подопечной произошел... У человека это назвали бы психотическим срывом. Оказалось, что она не только умеет входить в Сумрак, но и владеет какими-то боевыми заклинаниями, видимо, собственного изобретения: моя защита против них не сработала. В общем, отделала меня так, что еле восстановился.

– Так-так, – кивнула Роти. – И как это, по-вашему, связано с убийством?

– А так, что, во-первых, она находится здесь. Во-вторых, явно воспринимает все связанное с Сумраком и Иными как однозначное зло. И, в-третьих, крайне агрессивна и склонна к спонтанным, неконтролируемым выплескам Силы.

– Подтверждаю, – кивнул Илья, – девчонка очень сильна. И в принципе могла напортачить. Она на Семена чуть не напала...

До сих пор молчавший Чанг удивленно хохотнул, но Семен качнул головой:

– Кстати, не смешно бы было. Память могла изрядно...

– Тебя?! – опешил Андрей.

– Меня, меня... Нервы у нее, кстати, ни к черту, с одной фразы завелась.

– Ты извини, Семен, но с такой фразы кто угодно бы завелся, – фыркнул Илья. – Девочка хочет рисовать и путешествовать. Парни ее не особо пока интересуют: в гендерные игры играть скучно, а по-другому вокруг не умеют. Семью заводить тем более в ближайшее время не собирается. И тут какой-то неприятный дядька говорит: все, что ты делаешь, – не важно, почему делаешь – не важно, это только подготовка к рождению детей, старайся, девочка. Кто бы не взбесился? После таких высказываний подростки идут и голой жопой на бетон садятся, исключительно из чувства противоречия. Я тебе еще тогда говорил: переигрываешь.

– Да, увлекся, – легко согласился Семен. – Так что...

– Она в шесть лет нож в родную тетку воткнула, – напомнил Андрей.

– Да, но она думала, что ее тетенька – робот, – возразил Семен. – Я с этой дамой работал – и тоже, знаешь ли, засомневался...

– И где сейчас эта милая девушка? – спросила внимательно слушающая русских коллег Роти.

– Ест червяков, – ухмыльнулся Андрей.

* * *

Бирманка в лоскутной шапке-воронке, какую мог бы носить Железный Дровосек, подавшийся в хиппи, подошла к Тави. Искательно заглянула в отрешенное лицо, заскребла палочкой по ребристой спине деревянной лягушки, извлекая громкий, ни на что не похожий звук. Он вывел девушку из ступора. Вежливо улыбнувшись, Тави покачала головой, и разочарованная бирманка, по-утиному переваливаясь, пошла дальше, придерживая лоток с сувенирами, висящий на круглом животе.

Сильно кружилась голова, и асфальт под ногами казался хрупким и неустойчивым, как тонкая корка, застывшая на поверхности бездонного болота. Органы чувств по-прежнему отказывались работать: все казалось приглушенным, смазанным, тусклым. Несколько месяцев Настя строила жизнь исходя из того, что ее поступок невозможно простить. Что она достойна лишь одного – наказания. Что, поддаваясь слабости и позволяя себе хоть какую-то радость, она делает убийство еще более чудовищным. Каждая минута, прожитая без чувства вины, – новое преступление, совершенное по трусости и слабости. Каждый час, проведенный в забытии вместо раскаяния, нуждается в оправдании и компенсации.

Так считала хорошая девочка Настя. Но, на ее счастье, существовала еще и забывчивая эльфийка Тави, у которой жажда жизни оказалась сильнее совести. И Настя, которая тоже очень хотела жить, но считала, что не имеет на это права, построила вокруг себя свинцовый бункер и выбросила ключи.

И вот в один миг выяснилось, что сам исходный посыл был неверен. Шок оказался слишком велик, и Настя совершенно потеряла почву под ногами. Очень хотелось позвонить маме – просто услышать ее голос, спросить, как дела, послушать о выходках кота Мухтара и гнусной сибирской погоде. Настя даже вытащила телефон, но сообразила, что место для звонка неподходящее: маму она не расслышит, а самой придется орать, и выйдет не разговор, а чепуха какая-то.

Она с недоумением выплюнула что-то гладкое и жесткое, присела на бордюр между стойкой с холщовыми торбами и щитом, зазывающим обзавестись тысячей разноцветных косичек. Огляделась, пытаясь сообразить, куда ее занесло и что она здесь делает. Во рту было мучнисто-жирное, на зубах похрустывало. В руках у себя Настя обнаружила прозрачный пакетик с какой-то жареной мелочью. Уже подозревая неладное, она встала и подошла к хорошо освещенному входу в турагентство.

Ну отлично! Жареные личинки. И, похоже, большую часть она уже успела слопать. Что на нее нашло? Жареных насекомых Тави попробовала еще во время первой поездки в Таиланд и решила больше эксперимент не повторять: не настолько вкусно, чтобы отплевываться от несъедобных хитиновых оболочек, да и выглядит все-таки не очень. Так за каким чертом в ее руке оказался этот кулек?

«Червяков пожуй» – всплыло в памяти. Тави сердито отбросила пакетик. Так вот как чувствует себя человек, которого толкают сквозь Сумрак, которого магией заставляют делать то, чего он и не собирался. Довольно мерзко. Правильно она сдерживала себя. Но какая же сволочь Андрей! А если бы она боялась насекомых? Он ведь не мог знать. Большинство девушек, обнаружив, что именно они ели, с ума бы сошли от отвращения. Может, на это и был расчет? Какое же свинство... подленькая, мелкая месть.

Тави больше не трясло от адреналиновой ярости, мысли текли почти спокойно, но гнев и обида притаились внутри, как скользкие ледяные черви. Впрочем, сама хороша – не стоило закатывать такой безобразный скандал. Андрей теперь, наверное, не захочет разговаривать. Да и нечестно вышло... В конце концов, она первая напала на него, хоть и не хотела причинить вреда. Наверное, надо извиниться. Если Тави сумеет быть убедительной, возможно, Андрей

объяснит, что же произошло в парке и почему вся ее жизнь пошла наперекосяк. Он же порывался рассказать ей об Иных? Вот пусть и расскажет.

Тави брезгливо выплюнула прилипший к зубам кусочек хитина, бодро шагнула с крыльца и тут же приуныла. Перед ней текла бесконечная человеческая река. С краев улицу сжимали лабиринты стоек с курортным шмотьем. Магазины, гостиницы, бары... Окрестные переулки и улицы, за ними – огромный, как муравейник, Бангкок, а вокруг него – весь мир. И как здесь искать человека, который скорее всего не хочет, чтобы его нашли? Ну ладно – не человека, а Иного, асура. Один черт. Бродить наугад в море людей?

В голове вдруг щелкнуло – будто сошелся пазл. Если Сумрак – море, в котором живут асуры, то они должны оставлять круги на воде. Мысль была дурацкая: нельзя действовать исходя из поэтической метафоры. Но, как Тави ни напрягала мозги, ничего умнее ей в голову не пришло. Прикрыв глаза, она вгляделась в потоки и водовороты серого. Вновь поразились красоте и сложности структуры – и это только поверхность. Под ней Тави чувствовала другие, еще более замысловатые слои. В движении Сумрака была закономерность – Тави еще не понимала ее, но отчетливо чувствовала. А еще чувствовала, где эта закономерность, эта четкая структура нарушалась. Круги на воде. След, оставленный асуром.

Всплеск справа! И снова всплеск – как будто билась в воде огромная рыбина. Тави с торжествующей улыбкой рванула сквозь толпу, поперек потока, едва уворачиваясь от прохожих. Все-таки сработало! Она заставит Андрея все объяснить. Не слезет, пока не добьется своего, и так просто, как в первый раз, он от нее не отделается. Тави плохо сознавала, что делает. Течение Сумрака несло ее, подчиняло своему движению. Она кружила в спиралях и завитках энергии. Она включилась в поток, стала частью структуры. Одной из закономерностей.

Тави нырнула в переулок, и ее охватила неожиданная прохлада, вызвав смутно знакомое ощущение. Кажется, она уже успела побывать здесь сегодня. Впереди журчала вода. «Затащу его в кофейню», – решила Тави, сообразив, где именно оказалась. Там кондиционер, вкусные запахи свежей выпечки, тишина. Орать друг на друга будет неловко. Самое подходящее место для разговора.

Она пошла быстрее; шаги гулко отдавались от брусчатки, по переулку металось эхо. Прятаться было бесполезно и глупо. «Андрей? – тихо окликнула Тави. – Андрей!» Она повернула за оплетенную лианами стену, по которой стекал водопад, и едва не споткнулась о лежащее на влажном бетоне тело.

На мгновение ее охватило дежа-вю: тот же холод, и морось, и лежащий под ногами человек; Тави вязнет в сером, серое поедает ее силы... Она еще не поняла, что сделала, но ужасная догадка уже заставила встать дыбом каждый волосок на теле. С неба сеется холодная вода и оседает на волосах серой вуалью.

Сдавленно застонав, Тави упала на колени и, срывая мышцы, перевернула лежащего перед ней человека. Отшатнулась, увидев высокие желтые залысины и пухлые губы цвета заветрившегося мяса, сложенные в ужасающе усталую улыбку. Из кармана нелепой жилетки торчала картонная колода.

Уже понимая, что фокусник мертв, Тави сдавила его пухлое запястье – вдруг всего лишь обморок, вдруг еще жив, просто прихватило сердце... Кожа мертвеца была холодной и влажной, неприятно скользкой, и Тави поспешно убрала руку. Поднялась, дико оглядываясь: то ли бежать на улицу искать полицейского, то ли в кафе – просить, чтобы вызвали по телефону...

Серый туман вскипел, выплевывая смутные фигуры. Тави шарахнулась было, но ее словно опутали щупальца гигантской медузы – ни дернуться, ни пошевелиться. Время стало вязким, как кисель; оно заливало лицо, и Тави, ослепшая и оглохшая, задыхалась в этой густой жиже.

– Ночной Дозор! – как сквозь толстый слой воды услышала она. – Всем выйти из Сумрака!

Тави снова беспомощно дернулась и замерла. На нее шла хрупкая, совсем не страшная на вид девушка. Тави испытала мгновенный укол облегчения и тут же, взглядевшись в круглое лицо, поняла, что обрадовалась зря. Выражение, застывшее в глазах девушки, было хорошо знакомо Тави по кино. С такими лицами доблестные полицейские арестовывали опасных злоумышленников, пойманных на месте преступления. В стороне виднелись еще четверо; в одной из фигур Тави с отчаянием узнала Андрея. Пришел посмотреть, как берут психопатку-убийцу. Доволен, наверное...

– Так-так, Анастасия, – произнес по-русски печальный, отвратительно знакомый голос. – И не стыдно вам?

– Лучше бы ее сразу вырубить, – деловито произнес другой, тоже знакомый. Девушка, прикусив губу, кивнула и подняла ладонь, в которой наливался синим мертвенный огонь.

Тави тихо застонала, попыталась попятиться и снова завязла в ледяном киселе. «Подождите, – хотела выговорить она, но язык не слушался, будто превратился в кусок холодного желе. – Не надо! Я не...»

– Руку! – прошипел кто-то рядом. Мелькнуло, разгоняя холод, оранжевое полотно, и жесткие смуглые пальцы впились в запястье Тави. – Держись крепко, – шепнул монах, и мир растворился в белой вспышке.

Глава 5

Немного настойчивости

Где-то назойливо бубнили голоса; звук вызывал смутное чувство опасности, как гудение слетевшихся к лопнувшему арбузу ос. Тави приподнялась на локте, огляделась, спросонья не понимая толком, где находится. Под ней была чистая циновка, вокруг – выбеленные стены. Высокий потолок с толстыми деревянными балками терялся в полумраке. В узкое окно, прикрытое резными ставнями темного дерева, пробивался бледный утренний свет.

Тави потерла щеку, на которой отпечатался плетеный узор. Голоса не смолкали, даже, кажется, стали громче, но она все еще не могла даже разобрать, на каком языке говорят: звук едва пробивался сквозь небольшую, но солидную дверь кельи. Дэнг привел ее сюда после того, как волшебным образом мгновенно перенес из подворотни во двор храма, вырвав из-под носа целой компании асуров. Еще одно умение Иных, недоступное людям...

Вспомнив вчерашнее, Тави взглянула на толстые стены сквозь Сумрак. Древние камни пронизывал незримый узор защиты, сложнейший орнамент удивительной красоты. Дэнг показал его вчера, когда Тави, трясаясь и всхлипывая, позорно цеплялась за его оранжевую рясу и умоляла не оставлять ее одну. Ей казалось, что стоит монаху выйти, и на пороге появится тонкая девушка с сосредоточенным лицом, потребует выйти из Сумрака и развернет наливающуюся синим огнем ладонь...

Тави подскочила как ужаленная: один из голосов в коридоре совершенно точно принадлежал той самой девице. Да и остальные казались знакомыми. Тави на цыпочках подобралась к двери и, не дыша, потянула за позеленевшее бронзовое кольцо, украшенное рогатой головой то ли дракона, то ли демона. На ее счастье, тяжелая дверь подалась плавно и почти беззвучно. Тави прижалась ухом к щели. Точно, она. И Дэнг. И Андрей – возмущенный, напирющий... разочарованный.

«Передавайте привет Пресветлому Джору», – проговорил Дэнг. В голосе монаха почудилась едва уловимая насмешка. Андрей промолчал; уважительно проговорила что-то девушка, и голоса смолкли. Зашаркали по плитам, приближаясь, босые ноги, и Тави тихо скользнула прочь от двери.

* * *

Дэнг появился минут через десять. В его руках исходила паром небольшая плешка.

– Дозорные ищут тебя, – сказал он спокойно и протянул бутылку воды. Тави благодарно кивнула, сделала несколько глотков.

– Что такое Дозоры? – спросила она.

– Что-то вроде полиции асуров, – неохотно ответил монах. – Ночной Дозор следит за Темными. Дневной – за Светлыми. Помнишь, я говорил тебе о равновесии?

– Они знают, что я здесь?

– Практически уверены, – усмехнулся Дэнг, – но ни доказать, ни даже вслух сказать о своих подозрениях не могут.

– А Джору, о котором вы предостерегали меня... Он Светлый?!

Дэнг поморщился и качнул головой, давая понять, что не хочет об этом говорить. Поставил перед Тави чашку с лапшой, присел напротив, скрестив ноги, и долго молчал, глядя, как девушка вяло ковыряет еду палочками.

– Я чувствую ответственность за то, что произошло, – заговорил наконец он. – Мне не следовало оставлять тебя наедине с новыми знаниями. Я не подумал, насколько глубоко затро-

нут твою душу слова о злой природе асуров и как трудно будет с этим справиться. К сожалению, я слишком поздно узнал о происшествии. Тут же отправился искать тебя – и опоздал.

– Вы же успели... – начала было Тави и вдруг поняла. Сглотнув, она опустила глаза и медленно положила палочки.

– Я в сложном положении, – задумчиво сказал Дэнг. – Недостойно оскорблять тебя подозрением, но...

– Но вы подозреваете, – хрипло договорила Тави. – Я понимаю.

– Расскажи, что произошло, – попросил монах после паузы. – Может, я сумею помочь.

– Достойна ли я помощи? – с горечью спросила Тави.

– Все живые существа...

– Да, да... – Она бессмысленно ковырнула ногтем циновку, уколола палец о соломинку, сунула его в рот. – Я искала Андрея... а нашла труп, – выдавила она. – Это все.

– Помнишь, что случилось перед этим? Как именно ты искала? Что делала?

– Нет, – произнесла Тави, едва шевеля губами.

– Постарайся...

– Я чувствовала, как движется Сумрак. Подчинялась потоку. Это... все.

Тави бессильно сгорбилась и уставилась в ополовиненную чашку. Дэнг ей не верил. Тем более не поверят Андрей и остальные дозорные. Она сама не может верить себе. Разве что – доверять.

– Дэнг, я не убийца, – прошептала она. – Я злой, нехороший человек, но я не убийца. Я не смогла бы так... хладнокровно.

«Однако однажды смогла», – подсказал внутренний голос. Темная кровь стекает по восковой руке Елены, и осуждающе шевелятся тени в синюшном свете фонаря. Девочка, которая сделала это, была вполне хладнокровна, правда?

– Я верю тебе, – сказал вдруг Дэнг с раскаянием. – Мои подозрения были плодом моей самоуверенности. Прости меня.

– Это как? – опешила Тави. Дэнг снял очки и со смущенной улыбкой начал протирать стекла.

– Я очень старый человек, – сказал он. – И мне трудно привыкнуть к тому, насколько рациональны современные люди. Мне до сих пор кажется, что одной беседы достаточно, чтобы пробудить веру. Ты способна хладнокровно воткнуть нож в человека – да, я знаю эту историю, русские дозорные особо на нее напирали. Но только если веришь – глубоко и без сомнений.

«А как же быть с Андреем, – хотела спросить Тави. – Может, фокусник тоже напугал меня, или разозлил, и я...» Но вместо этого она пробормотала:

– Кто же убил фокусника?

– Фокусника и до него – еще одного слабого Иного, русского учителя, – поправил Дэнг. – Я не знаю. Может, в этих смертях нет ни смысла, ни мотива.

– А может, кто-то, как и вы, считает, что асуры несут только зло, – лягнула Тави и тут же испуганно прикрыла рот ладонью. Дэнг недовольно поджал губы.

– Может, и так, – неохотно согласился он. – Но вряд ли. Тот, кто познал учение Будды, никогда не пойдет на убийство.

«Но ведь асуры – не люди и не звери, – подумала Тави. – Говорил ли Будда что-нибудь об убийстве демонов?»

– Значит, кто-то просто убивает Иных?

– Похоже, что так, – печально кивнул Дэнг. – Слабых Иных, предпочитающих вести почти человеческую жизнь, не способных защититься. Нам известно о двоих – но кто знает... Может, он напал на неиницированных. И среди асуров встречаются маньяки. Они тоже сходят с ума. Даже, пожалуй, чаще, чем люди.

– Как же мне быть? – спросила Тави. – Я не могу прятаться здесь вечно...

Монах водрузил очки на нос и задумчиво охватил подбородок.

– Пока в Дозоре считают, что ты либо прячешься здесь, либо сбежала из района Каосан, а то и вовсе из Бангкока. Можешь так и сделать, я подскажу, где укрыться. Этот вариант плох тем, что рано или поздно тебя все равно найдут. Другой вариант... Я могу сам связаться с Дозором. – Тави шумно вдохнула, и монах остановил ее жестом. – Я не дам арестовать тебя, если понадобится – даже силой. Буду кем-то вроде твоего адвоката.

Тави отчаянно замотала головой. Отвращение на лице Андрея... Ужас мамы – или ей ничего не скажут? Наверное, не скажут, она же человек и, значит, не должна ничего знать. Попытки оправдаться, тем более жалкие, что Тави сама не твердо уверена в своей невинности. Никакой адвокат здесь не поможет. Тем более Дэнг, которого дозорные, кажется, сильно недолюбливают – легко можно понять за что. Нельзя же хорошо относиться к тому, кто считает тебя исчадием. Или можно? Ей же Дэнг нравится... Тави потрянула головой, запутавшись.

– Скорее всего ты сумеешь объясниться, в Дозорах работают умные люди, – настаивал тем временем монах.

– А если нет? – тихо спросила Тави. – Что тогда?

– Учитывая твой возраст и обстоятельства... В худшем случае тебе пожизненно запретят пользоваться магией. Но...

– Но вы считаете, что это как раз то, что надо.

– Да. Подумай, не спеши. В этих стенах тебя никто не найдет, у тебя есть время. – Он поднялся с циновки и уже на пороге добавил: – Помнишь, я предупреждал: выбирай или выберут за тебя.

– Да. Это я помню, – медленно проговорила Тави.

* * *

Рынок амулетов был огромен. Он занимал несколько тенистых улиц и тянулся от границы Банглампу до храма Изумрудного Будды. С одной стороны – магазинчики; с другой, занимающая почти весь тротуар, торговали со столов, лотков, а то и вовсе с земли. Портреты Будды, вырезанные в камне и отчеканенные в металле; статуэтки Будды, рисунки Будды... Россыпь ярких открыток – фотографии смеющихся старичков в оранжевых рясах. Миниатюры с Буддой и цепочки с коробочками из прозрачного пластика, чтобы тут же спрятать в них купленный амулет и надеть на шею, – совсем простые, чуть позатейливее и самые вычурные, в пышных золоченых окладах, на любой вкус и кошелек. Звонкие связки сияющих поддельным золотом перстней. Лотки с бусами и четками. И снова – миниатюрные барельефы, вырезанные из камня, полустертые то ли от старости, то ли из-за дрянного материала, наваленные как попало или аккуратно разложенные. Над ними стояли серьезные тайцы средних лет, все как один в очках, в костюмах, и сосредоточенно рассматривали кусочки резного камня в карманные лупы.

Здесь же что-то жарили, парили, варили. Илья, сломленный ароматами, в конце концов застрял у одного из мангалов, а Андрей с Семеном потащились дальше за бангкокскими дозорными. Далеко они, впрочем, не ушли: Роти вдруг страшно заинтересовалась миниатюрными фигурками из тусклой латуни. Поделки были насыпаны на стол горой: копейся – не хочу. Кроме изображений Будды там были слоны, обезьяны, обнимающие гигантские фаллосы, драконы, жуки с крыльями, покрытыми надписями на санскрите, ящерицы, волю и черт знает кто еще. Старушка торговка в скользкой и блестящей, как крылья мухи, изумрудной блузе и строгих черных брюках, присев на детский пластиковый стульчик, хлебала суп.

Андрей, не желая мешать, принялся рассматривать соседний стол. Горка миниатюрных барельефов, вырезанных из мягкого красного известняка. Рядом какие-то гильзы с прозрачными окошками, в которых виднелись исписанные вязью свинцовые листы, скрученные в трубочку. Здесь же – кучки сухих стеблей и корней, среди которых Андрей смог опознать только

имбирь. Из бесцельного любопытства он взглянул на стол сквозь Сумрак и обомлел: большая часть предметов была пронизана слабой, но совершенно явной магией.

Андрей представил себе такой лоток в Москве, и ему стало дурно. Он вопросительно посмотрел на Чанга, но тот равнодушно пялился на противоположную сторону улицы, где по пустому тротуару вдоль храмовой стены неторопливо трусила облезлая трехцветная кошка. Похоже, артефакты в руках уличного торговца его совершенно не смущали. Недоуменно пожав плечами, Андрей принялся рассматривать амулеты – самые настоящие, без всяких кавычек. Ситуация казалась дикой.

Защита... еще одна защита – от болезней. А эта – от сглаза. А эта гильза с мантрой – вообще серьезная, боевая вещь. Правда, узко нацеленная на один вид оборотней. Андрей даже взял ее в руки, пытаясь сообразить, против кого такая могла бы понадобиться. Продавец, оживившись, бурно заговорил, жестикулируя и закатывая глаза. Андрей мог разобрать только одно слово, повторявшееся чаще всего: «тав». «Тав?» – переспросил он; продавец истово закивал и сделал зверское лицо. «Оборотень-тав, – подумал Андрей. – Тави... Да нет, так вообще черт знает до чего можно додуматься». «Хау мач?» – машинально спросил он; продавец шустро вытащил калькулятор и набрал на нем: пятьсот. На его лице читалась явная готовность торговаться. Окончательно обалдев, Андрей полез за кошельком.

Роти тем временем, перестав перебирать фигурки, уже расспрашивала продавщицу. Девушка деликатно напирала; старушка упорно качала головой и многословно объясняла что-то ноющим голосом – то ли и правда переживала, то ли это были особенности произношения. Девчонка неопределенно европейского вида, с униженными фенечками руками, сидела прямо на асфальте, увлеченно роясь в связках тусклых керамических бус. Глаза у нее горели. Тав... Тави.

Андрей раздраженно отвернулся.

– Что мы здесь делаем? – с досадой спросил он Семена. – Тайцы уперлись в версию дикаря. Несчастная случайность! Не верю я в такие случайности. Это монах им мозги запудрил. Кто он вообще такой, чтобы приказывать дозорным?

– Он не приказывал, – лениво откликнулся Семен. – Он советовал. Тайцы очень уважают монахов.

– Ага, просто советовал. А они благодарили и кланялись. Он нагло морочит нам головы, местные делают, что велит. А он очевидно замешан! Кто еще мог проложить портал во время ареста?!

Сквозь толпу протиснулся Илья, держа перед собой, как нелепый букет, деревянные шпажки. Нанизанные на них коричневые кусочки поблескивали от масла. Услышав последнюю фразу, он кивнул:

– Видели, как прокладывает порталы Гесер? Та же школа... Вроде бы это куриная печенка, – с сомнением прокомментировал Илья, раздавая шашлычки.

– Вроде бы? – подозрительно переспросил Семен, но шашлычок взял. – Съедобно, – одобрил он, жуя.

– На безопасность я проверил, не волнуйся, – невинно заметил Илья. Семен на мгновение прекратил жевать, потом все-таки проглотил. Пожал плечами и откусил следующий кусок.

– Вы тут развлекаетесь, – мрачно сказал Андрей, – а она там... Что, если будет новая жертва?

– Молодой еще, – с сожалением сказал Илья Семену. – Горячий.

– Да просто нравится она ему. Нравится, а, дозорный?

– Ну да, люблю психопаток. – Андрей побагровел и сердито буркнул Илье, все еще протягивающему шашлычок: – Да не голодный я!

– Зря, тебе есть надо, силы восстанавливать после травмы, – покачал головой Семен. – Я же понимаю, обидно, что прокатила... Обидно, что из-под носа ушла. Успокойся уже. Сам

подумай, куда она денется? Если ты прав – Дэнг ее из монастыря не выпустит, ему грех на душу брать нельзя. А если не прав, то тем более зря кипятиться. А спорить с местными не надо, некрасиво спорить с хозяевами. Радуйся лучше, что Дневной Дозор пока не встречает – мог бы уже. Тогда бы мы вообще целыми днями переговоры вели, вместо того чтобы работать. А версию дикаря, между прочим, исключать нельзя, ты посмотри вокруг: половина прохожих здесь считает, что может колдовать, и некоторые из них не так уж ошибаются. А уж на местных монахов наезжать и вовсе глупо. Потерпи, разберемся. Хватит бить копытами, Чанг уже смотрит.

Андрей раздраженно пожал плечами. Выдавил любезную улыбку, больше похожую на оскал, встретившись глазами с тайским дозорным. Чанг так же делано улыбнулся в ответ и снова принялся бесстрастно обозревать улицу.

– А если так? – задумчиво проговорил Андрей. – Я ведь действительно сюда долечиваться приехал, а не в операциях местного Дозора участвовать. Переутомился, приступ слабости, вынужден вернуться в отель. – В животе булькнуло, и он радостно ухватился за новый повод: – Желудок прихватило!

– Диарею тормознуть – дело на две минуты, – недовольно буркнул Семен, – чему тебя в школе учили... Ладно, – сдался он, заметив, что Андрей вдруг побледнел. – Переутомился – это нормально, имеешь право. Езжай отдыхай, дозорный.

– Только имей в виду, что на свой страх и риск отдыхаешь, – напомнил Илья. – Никаких арестов именем Дозора, мы на чужой территории.

– Знаю, – буркнул Андрей.

– А вот на свидание позвать право имеешь, – добавил Семен.

Андрей сердито дернулся, махнул рукой и размашисто зашагал вдоль столов с амулетами, не глядя больше по сторонам.

* * *

Тави расхаживала по маленькой келье, пока не закружилась голова, и все думала, думала, думала. Четыре шага вдоль, три поперек, четыре – вдоль... Она не сможет убедить дозорных в своей невиновности, пока не уверится в ней сама, не вспомнит, что происходило вчерашним... и позавчерашним, кстати, вечером. Пока не сопоставит свои эксперименты с Сумраком и то, как они отражаются на реальности. Она закрывала глаза и заново просматривала чудесную структуру иного мира, пытаясь расшифровать ее. И не стоит еще забывать про нижние, пока недоступные слои... Лицо горело от напряжения, и снова страшно хотелось сладкого. Лапшу она давно доела, жадно, не разбирая вкуса: перенапряженный мозг требовал хоть каких-нибудь углеводов. Сейчас бы шоколадку. Интересно, получится ли пробраться в ближайший супермаркет, не попавшись на глаза Дозору? Что выбрать – рискнуть или потерпеть? Как сделать, чтобы не выбрали за нее? Как вообще, черт возьми, тут выбрать?

А ведь сдаться в руки Дозора, полностью сознавая, что волшебницей ей после этого не быть, – тоже выбор. Именно поэтому Дэнг предложил такой выход и не стал скрывать последствия. Но тогда получится, что выбрал Дэнг...

Тави снова заметалась по келье. Несмотря на ужас перед водоворотом неуправляемых событий, в который она попала, несмотря на сомнения в собственной вменяемости, она испытывала острое, почти невыносимое любопытство. Всего два дня, как она разрешила себе заглянуть на изнанку мира. Она еще ничего не знает – но ей дико интересно, что же там дальше. Это серьезный довод. Что может быть интереснее магии, увлекательнее возможности познавать иной мир? Да, это пугает, но страх не советчик: страшно стать магом, впустить в свою жизнь неведомые силы, обрести могущественных врагов. Но человеком быть тоже страшно: его жизнь хрупка, полна нелепых случайностей и опасностей, от которых нет защиты. Лучше

отбросить страх, пусть себе остается фоном, не заслоняет главное. Комфорт? Тем более не критерий. Еще пару дней назад Тави убежденно сказала бы, что жизнь волшебника проще, но сейчас уже сильно сомневалась в этом. Да и нельзя принимать решение, исходя только из соображений собственного удобства. Ведь выбор Тави наверняка затронет не только ее...

Значит, остается только собственная совесть. Представления о добре и зле. Хорошо Дэngu с его верой. Но Тави, при всех своих симпатиях, все-таки не буддистка, ей придется думать самой.

Она застонала и рухнула на циновку. Уставилась в потолок, где между балками гуляли коричневые тени. Верит ли она монаху? Ведь она Светлая, она хочет нести в этот мир добро, и сколько перед ней откроется возможностей! А с другой стороны – только слова Дэнга, умного, славного, но все-таки в первую очередь – монаха.

Что-то неуютно шевельнулось в груди, и Тави, прикусив губу, подскочила. Да, только слова Дэнга... но еще и ярость, с которой она обрушилась на Андрея. И, главное, отвратительное, постыдное чувство превосходства над людьми, которые всего лишь развлекались зрелищем фокусов. Человек с таким образом мыслей и характером не вызвал бы у Тави ни симпатии, ни уважения – только желание держаться от него подальше. Держаться подальше от самой себя не выйдет.

Но – возможности! Но – неумное, рвущее на части любопытство, которое останется с ней на всю жизнь, которое будет не утолить, не успокоить...

Да, так она просидит здесь до тех пор, пока гора Сумеру не обрушится в море. Если прежде не помрет, как буриданов осел. Тави со смешком потрогала уши – не выросли ли, не покрылись ли серой шерсткой? Черт, как же сложно быть Иной...

Тави остановилась так резко, будто толстая монастырская стена вдруг перенеслась на середину комнаты и ударила ее прямо в лоб. Если не получается решить задачу с точки зрения асура – может, стоит побыть человеком? Стараясь не потерять мысль, Тави сунулась к рюкзаку, который вчера вечером притащил из гостиницы один из парней в дрэдах. Достала старенький фотоаппарат-«мыльницу». Снимки с него были – обнять и плакать, зато машинка надежная и привычная рукам. И с режимом видеосъемки. Горсть аккумуляторных батареек – к счастью, все заряжены, хватит надолго.

А кстати, вот и цифровой плеер – облезлый и страшненький, но вполне рабочий. Тави воткнула в уши горошины наушников, ткнула наугад. То что надо. Ритм, отчаянный напор и полная безбашенность. Хрипловатый, ни на чей не похожий голос Дженис.

Сегодня Тави снова выйдет на Каосан – и пока она будет кружить по водоворотам Сумрака, камера зафиксирует все, что происходит в это время в реальности. Она по крайней мере сможет убедиться, что не делает ничего плохого. А может, даже сумеет найти убийцу – ведь в Сумраке он выглядит как поднятая мощным катером волна. Странно, что дозорные не ищут его по этому следу, а пробавляются допросами, как обычные человеческие полицейские. Или не рассчитывают, что преступник до сих пор шатается поблизости? Тави почему-то была уверена, что он по-прежнему рядом.

– «I don't care! how long it's gonna take you now, – взывала Тави и прибавила звук, чтобы заглушить саму себя. – But if it's a dream I don't want...»³

В горле запершило. Не вытянуть ей Джоплин, ну и ладно, пытается как может.

Но что, если убивает все-таки она? Тави с сомнением посмотрела на камеру. Представила, как просматривает съемку и обнаруживает... что? Как в реальности выглядит сумеречная волна, обрушивающаяся на жертву? Тави не знала – и не хотела узнавать. Прикусив губу, она повертела «мыльницу». Психопат, охотящийся на Иных... Слабых или неиницированных

³ «Мне плевать, сколько это займет времени, но если это сон, я не хочу... (чтобы кто-то разбудил меня)» – Janis Joplin, «Try (Just A Little Bit Harder)».

Иных. Интересно, сколько их вообще на Каосан и в окрестностях. Турист, фокусник, она...
Тави вдруг тихо рассмеялась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.